

М.В. Шкаровский

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЮГОСЛАВИИ

В данной статье рассматривается историческая перспектива возникновения Русской Православной Церкви Заграницей после революционных событий в России в 1917 г. Помимо этого представлено описание культурной и религиозной жизни российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Именно эта страна стала местом зарождения Русской Православной Церкви Заграницей, руководящие органы которой — Архиерейский Синод и Синодальная канцелярия — до 1944 г. находились в Югославии. Расцвет русской церковной эмиграции в стране пришелся на межвоенный период, которому и посвящена статья. В это время в Югославии были созданы несколько десятков русских общин, построены пять церквей и часовен, действовали русские братства, церковные издательства и даже духовная миссия. Эмигранты из России внесли важнейший вклад в духовное образование, монастырскую жизнь, церковную культуру и искусство Сербской Православной Церкви. Автор обращает внимание на такие вопросы, как консолидация и последующие нестроения в церковном управлении РПЦЗ, политика ее иерархов, взаимоотношения с Московской Патриархией в период канонических противоречий и др.

Ключевые слова: эмиграция, патриарх Варнава (Росич), митр. Антоний (Храповицкий), митр. Евлогий (Георгиевский), митр. Сергей (Страгородский), Русская Православная Церковь Заграницей, Югославия, Сербский Патриархат, церковное управление, Церковь и советское правительство.

События Октябрьской революции и Гражданской войны вызвали эмиграцию более двух миллионов жителей России, главным образом, православного исповедания. С ними за рубеж уехали сотни пастырей и несколько десятков архипастырей. Первоначально крупнейшим перевалочным пунктом русской эмиграции стал Константинополь (Стамбул), 19 ноября 1920 г. в этом городе высадились почти 150 тыс. беженцев из Крыма во главе с генералом П.Н. Врангелем. Среди них была и группа архиереев Русской Православной Церкви, возглавляемая Киевским и Галицким митрополитом Антонием (Храповицким). 19 ноября она приняла решение о продолжении деятельности прежнего Временного Высшего Церковного Управления на Юге России уже за границей.

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга.

В мае 1921 г. Высшее Русское Церковное Управление за границей (ВРЦУ) по приглашению Сербского Патриарха Димитрия переехало из Константинополя на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС, с 1929 г. — Югославии), где к русским эмигрантам отнеслись с особым гостеприимством в благодарность России за защиту Сербии в годы Первой мировой войны. Этот переезд подготовил архиепископ Евлогий (Георгиевский), уехавший в январе 1920 г. из Новороссийска на Балканы.

Первые пять русских архиереев-беженцев: Владыка Евлогий, а также епископы Митрофан, Георгий, Гавриил и Аполлинарий — приехали в Белград еще 5 февраля 1920 г. На вокзале они были встречены сербским епископом Нишским Досифеем, который обратился к ним со словами: «Приветствую вас, владыки, с любовью... Мы рады оказать вам гостеприимство за все то, что русские для нас сделали. И это не фразы...». Такой же радушный прием был оказан русским архиереям Первосвятителем Сербской Церкви и королем Александром. Архиепископ Евлогий проживал в Королевстве СХС больше года — до апреля 1921 г.¹

31 августа 1921 г. Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви постановил принять под свою защиту ВРЦУ с сохранением ее самостоятельной юрисдикции. Таким образом, фактически Русской Церкви предоставлены были автокефальные права на территории Королевства СХС. В компетенцию Управления (принявшего в июле 1921 г. устав, где говорилось о подчинении ВРЦУ Московскому Патриарху) включались следующие дела: «1. Юрисдикция над русским духовенством вне нашего государства и над русским духовенством, не состоящим на приходской и государственной учебной службе, как и над военным духовенством в Русской Армии, которое не находится на сербской церковной службе. 2. Бракоразводные споры русских беженцев»².

Очень большое значение имел второй пункт, так как на Балканах только в Королевстве СХС русские церковные власти получили возможность и право урегулировать бракоразводные процессы своих соотечественников. На основании этого постановления 3 октября 1921 г. управление русскими общинами в королевстве, с благословения патриарха Димитрия, взял на себя митропо-

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 343; *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 22.

² *Троицкий С.В.* История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 23; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 27–28.

лит Антоний (Храповицкий). Кроме того, было обещано, что перешедшим по их желанию в сербскую юрисдикцию архиереям, священникам и монахам будут предоставлены места для служения.

В знак особого расположения русским архиереям предоставили для размещения нижний этаж Патриаршего дворца в г. Сремски Карловцы. Здесь 26 июля 1921 г. состоялось первое заседание ВРЦУ в Королевстве СХС, а с 21 ноября по 3 декабря того же года проходил I Русский Всеаграничный Церковный собор, в котором участвовали 13 архиереев, 23 священника и 67 мирян, представлявших все зарубежные епархии Русской Православной Церкви. Решение многочисленных практических, организационных и пастырско-миссионерских вопросов, связанных с деятельностью Церкви в изгнании, таких, как, например, формирование церковных приходов в местах проживания эмигрантов на принципах приходского устава 1918 г., принятие положения о ВРЦУ, о Епархиальном управлении не вызвало серьезных разногласий. Другая, гораздо более конфликтная, ситуация сложилась при обсуждении положения Церкви и преследования верующих в Советской России. Большинство голосов на соборе имели монархически настроенные делегаты, что предопределило политизированный характер многих его документов. Особенно большой общественный резонанс имели «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» с призывом молиться за восстановление в России монархии с царем из дома Романовых и появившееся уже после окончания заседаний «Послание Мировой конференции» — обращение к участникам Генуэзской конференции за помощь в борьбе с большевиками. 34 члена собора подписали заявление протеста против принятия «Обращения», указав, что «постановка вопроса о монархии... и династии носит политический характер и <...> обсуждению Церковного собрания не подлежит»³.

Вскоре после окончания собора, в феврале 1922 г., сербский патриарх Димитрий получил от московского патриарха Тихона послание, в котором святитель отмечал: «Сердце наше тем более исполнено чувством радости и благодарности Вашему Блаженству, что мы живо сознаем все то добро, какое сделано и делается Вами по отношению к русским изгнанникам — епископам, клирикам и

³ Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора, состоявшегося 8–20 ноября (21 ноября – 3 декабря) 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Сремские Карловцы, 1922. С. 45, 68–70, 84–86, 124–129, 132–133, 151–156; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5680. Оп. 1. Д. 109. Л. 42–42 об, 54–60; Попов А.В. Архив Архиерейского Синода РПЦЗ в ГАРФ (Опыт архивного обзора) // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб., 2000. С. 404.

мирянам, которые силою обстоятельств, оказавшись за пределами нашей родины, нашли себе радушие и приют в пределах Сербской Патриархии. Да воздаст Господь сторицею Вам за сие благодеяние. Да будут благословенны дни Вашего Патриаршества...»⁴.

15 июня 1922 г. Высшее Русское Церковное Управление за границей обратилось с особым воззванием ко всем главам православных и инославных Церквей, кроме папы Римского, против чинимых большевиками насилий над Святейшим Патриархом Московским и всея России Тихоном (он был арестован в мае того же года)⁵.

Между тем, еще до своего ареста 5 мая патриарх Тихон (первоначально благословивший открытие работы Карловацкого собора) и соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета издали указ о признании посланий собора не имеющими церковно-канонического значения и упразднении ВРЦУ с сохранением управления европейскими русскими приходами митрополитом Евлогием (Георгиевским), которому указом патриарха от 8 апреля 1921 г. было временно передано управление русскими церквами в Западной Европе (одновременно митрополит Платон был утвержден в качестве главы Северо-Американской православной митрополии)⁶.

2 сентября 1922 г. собравшийся в Сремских Карловцах собор архиереев формально исполнил волю патриарха Тихона, распустив Высшее Русское Церковное Управление, но, предполагая, что указ Первосвятителя был дан под давлением советской власти, учредил вместо ВРЦУ Временный Заграничный Архиерейский Синод из пяти человек и постановил «для организации новой Высшей церковной власти» созвать Русский Всеамериканский Церковный собор⁷. Вновь созданные органы церковного управления (Архиерейский Синод и периодически созываемый Всеамериканский собор архиереев) объединили значительную часть оказавшихся в эмиграции русских иерархов. Митрополит Евлогий отказался принять на себя власть в Зарубежной Церкви и заявил, что она должна

⁴ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 86.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Сборник в двух частях / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 174, 181, 184, 192–194.

⁷ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 88–89.

принадлежать Архиерейским соборам, а в перерывах между ними Архиерейскому Синоду⁸.

31 мая – 1 июня 1923 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной Архиерейский собор, на котором присутствовало 12 епископов. 16 других заграничных архиереев (всего за рубежом тогда находилось 32 русских иерарха) прислали письменные мнения на вопросы митрополита Антония (Храповицкого), в том числе на главный: «Признаете ли Вы необходимость существования высшего церковного института для управления заграничными церквами епархиями или считаете возможным, чтобы иерархи управляли своими епархиями автономно». На соборе обсуждался проект реорганизации церковного управления митрополита Евлогия, предлагавшего провести будущий Русский Всезаграничный Церковный собор под эгидой Вселенского патриарха с участием представителей всех Православных Церквей и согласовать идею объединения с принципом внутреннего самоуправления (разделить русское православное зарубежье на четыре самостоятельных митрополичьих округа — Балканский, Западно-Европейский, Американский и Дальневосточный). Однако эти предложения Владыки не нашли поддержки у членов Архиерейского собора. Так, секретарь Синода Е.И. Махарабалидзе считал, что в докладе Владыки Евлогия есть данные совершенно не соответствующие действительности или недостаточно обоснованные, и проектируемый Синод сводится к положению простой канцелярии за спиной этого митрополита. Анализ анкет и выступлений русских иерархов также показал, что митрополит Евлогий остался в меньшинстве. Ни один из иерархов не поддержал владыку в вопросе о созыве Всезаграничного Церковного собора под эгидой Вселенского патриарха, и только два епископа поддержали организацию подобного собора с участием мирян⁹.

Архиерейский собор обсудил грамоту патриарха Тихона, его отношение к обновленческой группе «Живая церковь»¹⁰ и вынес ряд постановлений, в одном из которых говорилось: «Представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности выражают голос свободной Русской Заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни Собор иерархов этих епархий не представляет собой власти, которой принадлежали бы права, какими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии. <...> Все,

⁸ Попов А.В. Архив... С. 406–407; Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 337–345.

⁹ Попов А.В. Архив... С. 406–407; Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 337–345.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 12об–13.

находящиеся за пределами России русские православные епископии, <...> суть неразрывная часть автокефального Московского Патриархата». В постановлении Собора о Западно-Европейской епархии было сказано, что она «на основании прав, данных митрополиту Евлогию указами Святейшего Патриарха Всероссийского, <...> и вследствие того, что территория ее обнимает не одну страну, как в прочих епархиях, а заключает в себе большую часть европейских государств, — выделяется в автономный митрополичий округ». Собор также отверг обновленческие нововведения вроде второбрачия священства и григорианский календарь, постановив: «Новый стиль не может быть принят ввиду того, что это противоречит святым канонам и древней церковной практике». Живоцерковники были признаны находящимися вне Церкви¹¹. Кроме того, на Архиерейском соборе были осуждены незаконные отделения Финляндской, Польской, Латышской, Грузинской, Украинской и Эстонской Православных Церквей от Российской Матери-Церкви.

Стремясь объяснить освобожденному из-под ареста патриарху Тихону необходимость существования Архиерейского Синода, митрополит Антоний (Храповицкий) 24 августа 1923 г. писал патриарху: «С прошлого года подчинились Синоду Российская духовная миссия в Корее и Урмии. Последняя и русские церковные общины в Персии находятся в крайне плачевном состоянии, но теперь, слава Богу, несколько налаживается в Персии церковное дело. Духовная миссия в Корее Архиерейским Синодом подчинена начальнику Российской духовной миссии в Японии архиепископу Сергию, который сам подчинился сему Синоду... В Иерусалим командирован епископ Белгородский Аполлинарий, для урегулирования миссионерского хозяйства, так как Миссии угрожает продажа с молотка, в связи с чем и.д. начальника Миссии иеромонах Мелетий, возведенный затем в сан архимандрита, заменен распоряжением Синода новым начальником Миссии кандидатом богословия архимандритом Иеронимом из Курской епархии... В текущем же году необходимость существования Высшей Церковной Власти за границей еще более стала ощутительна, так как некоторые автокефальные церкви стали простираť свои права на Русские Православные Церкви и имущества их, так Вселенский Патриарх на Польшу, Эстонию, Латвию и Финляндию и даже на Китайскую духовную миссию, Иерусалимский на нашу Миссию и имущество Палестинского общества и т.д. Русский Архиерейский Синод охраняет права Русской Православной Церкви. Затем он

¹¹ Там же. Д. 5. Л. 5–15.

помогает другим автокефальным церквям сдерживать еретические новаторства некоторых глав автокефальных церквей»¹².

Однако эти доводы не убедили патриарха. В связи с созданием новых органов управления Зарубежной Русской Церковью Первосвятитель и организованный при нем Священный Синод 8 апреля 1924 г. приняли постановление о том, что они сочли необходимым: «1) Заявить, что со всей политической деятельностью заграничных иерархов, имеющей целью дискредитировать нашу государственную власть, ни Святейший Патриарх, ни существующее при нем Церковное Управление не имеют ничего общего и таковую деятельность осуждают. <...> 3) Запросить митрополита Евлогия, назначенного после закрытия в апреле 1922 г. заграничного Церковного Управления, управлять заграничными церквями, какое и на основании чего существует и в настоящее время Церковное Управление за границей под именем Архиерейского Синода. 4) Заявить, что митрополит Антоний, находящийся за границей, не имеет никакого права говорить от имени Русской Православной Церкви и всего русского народа, так как не имеет на это полномочий»¹³.

Между тем, 3 октября 1924 г. состоялся четвертый Архиерейский собор Зарубежной Русской Церкви. В нем приняли непосредственное участие митрополиты Антоний, Платон и Евлогий, 2 архиепископа и 9 епископов, еще 16 архиереев прислали свои мнения письменно. На этом соборе было решено упразднить ранее данный автономный статус Западно-Европейской архиепископии. Митрополит Евлогий не подчинился этому решению и демонстративно покинул зал заседаний. В его отсутствие собор постановил передать это дело на окончательное решение патриарха Тихона, а до его получения оставить прежний автономный статус архиепископии¹⁴.

Архиерейский собор также не признал «манифест» великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя 31 августа 1924 г. императором Всероссийским. Кроме того, на соборе было разрешено русским архиереям сослужить литургию с болгарскими, но это постановление не было официально опубликовано, чтобы избежать открытого конфликта с Константинопольской Патриархией.

Следует отметить, что когда Константинопольский патриарх еще 24 мая 1924 г. обратился к Сербской Церкви с протестом против допущения деятельно-

¹²Там же. Д. 4. Л. 177–186.

¹³Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 314.

¹⁴Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011.

сти русских заграничных органов церковного управления, однако получил отрицательный ответ. 2 декабря 1924 г. Сербский Архиерейский собор, рассмотрев данный вопрос, принял постановление, в котором говорилось, что существование Русского Заграничного Управления канонически правильно (поскольку Сербская Церковь вправе на территории своей автокефалии организовывать административную власть, как считает нужным) и целесообразно, так как представляет 2–3 миллионам русских эмигрантов церковную организацию из единоплеменных ей священнослужителей, заботящихся об удовлетворении их духовных нужд¹⁵.

6 декабря 1927 г. Архиерейский собор Сербской Церкви, ссылаясь на 39 правило VI Вселенского Собора, еще раз постановил: «По канонам Святой Православной Церкви, когда православная иерархия со своей паствой вследствие гонений перейдет в беженство на территорию другой Церкви, она имеет право самостоятельной организации и управления. Вследствие этого таковое право необходимо признать и за Русской церковной иерархией на территории Сербской Церкви»¹⁶.

Правда, в 1923 г. русскому церковному суду было запрещено разрешать брачные вопросы, если хотя бы одна из сторон, даже являясь эмигрантом из России, имела гражданство Королевства СХС. В этом году Сербский Синод принял решение о том, что «русские священники-эмигранты, которые не состоят на службе нашей Церкви, а поставлены соответствующими русскими церковными властями на место священников отдельных русских колоний, могут венчать и выполнять все остальные таинства только по отношению к русским эмигрантам; если брак заключается с нашим подданным, необходимо обращаться к сербскому священнику». Нарушившим постановление священнослужителям угрожало наказание «по канонам и правилам» Сербской Православной Церкви. Священники русских колоний королевства были оповещены об этом решении через официальный печатный орган Заграничного Архиерейского Синода. Правда, Сербский Синод в исключительных случаях до 1938 г. разрешал отклонения от установленного правила, но в дальнейшем уже строго следовал своему решению. Несколько раз: в 1925, 1927, 1930, 1931, 1937 и 1938 гг. — министерство юстиции пыталось отнять право брачных решений у Русской Церкви, которая не была зарегистрирована гражданскими властями в качестве юридического лица.

¹⁵Троицкий С.В. История... С. 41.

¹⁶Нафанаил (Львов), архиеп. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 32.

Однако Сербский Синод сумел защитить это право, настаивая на определении Архиерейского Собора от 31 августа 1921 г., которое было подтверждено решением Синода от 26 мая 1931 г.¹⁷

Уже в начале 1920-х гг. Королевство СХС оказалось главным центром русской церковной эмиграции, находившейся в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), которая окончательно оформилась в качестве самоуправляемой церковной организации в 1927–1928 гг. Если в 1918–19 гг. на территории страны проживали лишь 4–5 тыс. бывших российских военнопленных и солдат, воевавших на Салоникском фронте, то в начале 1920-х гг. в Королевстве СХС поселилось более 70 тыс. русских беженцев. По данным директора отделения статистики Государственной комиссии по делам русских беженцев королевства Д.Н. Иванцова к 1922 г. в страну прибыло 73431 человек: 40200 военных и 33231 гражданский беженцев. Уже к 16 февраля 1921 г. на территории королевства было 215 колоний русских эмигрантов, затем их число выросло до 300. Из 17905 опрошенных в 1922 г. беженцев из России 215 (1,2%) составляли священнослужители. Правда, довольно скоро число русских беженцев сократилось до 41–44 тыс., из них около 10 тыс. проживало в Белграде и окрестностях. Сокращение численности русской эмиграции в стране продолжалось и в дальнейшем: в 1926 г. — 38 тыс., по переписи 1931 г. — 32, 8 тыс. (в том числе 6 тыс. принявших югославское гражданство), в 1934 г. — 27, 5 тыс., в 1937 г. — 27, 2 тыс. и к весне 1941 г. — 25 тыс.¹⁸

В июне 1920 г. в Королевстве СХС была создана Государственная комиссия по приему и устройству русских беженцев, которую возглавил Любомир Йованович. Он принадлежал к народной партии премьер-министра Николы Пашича, занимавшей наиболее русофильскую позицию. Н. Пашич был председателем фонда по созданию памятника императору Николаю II. После кончины премьер-министра вдова Н. Пашича продолжила проведение гуманитарных акций помощи нуждавшимся русским эмигрантам¹⁹.

Важную роль в помощи эмигрантам играл российский посланник в Сербии В.Н. Штрандтман, занимавший эту должность с 1914 г. и сохранивший ее

¹⁷ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 274–275.

¹⁸ *Димич Л.* Русские школы в королевстве Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 132–133; *Сибиневич М.* Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века — границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. С. 7, 24; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18–19.

¹⁹ *Arhiv Jugoslavije.* Beograd (AJ). 37-23-196, 197, 199.

при белых правительствах А. Колчака, А. Деникина и П. Врангеля. Российская дипломатическая миссия официально прекратила деятельность в марте 1924 г., но фактически была лишь переименована в Делегацию по защите интересов русских беженцев Королевства СХС, которую вновь возглавил В.Н. Штрандтман (Югославия признала СССР последней из европейских государств — только в июне 1940 г.)²⁰. Правительственным уполномоченным для русских беженцев в Королевстве СХС был бывший государственный советник Российской империи Сергей Палеолог.

В межвоенный период в Югославии было зарегистрировано более тысячи русских организаций. В вузах страны преподавало около 120 российских профессоров, в том числе в Белградском университете — свыше 70 (из них 45 в 1920-е гг.), в Люблянском университете — 11, Загребском — 9, а всего в Югославии работали более 600 русских учителей и преподавателей. 15 российских ученых были членами Сербской Академии наук и искусств, в частности, выдающийся византолог Г.А. Острогорский, который стал основателем и директором Византологического института Сербской Академии. В 1922 г. в Белграде был основан Русский народный университет, а в 1928 г. — Русский научный институт (со своим издательством), действовавший до немецкого вторжения в Югославию в 1941 г. Известный историк-славист, профессор Белградского университета А.Л. Погодин основал Русское археологическое общество. Кроме того, в Белграде появились: Русский военно-научный институт, Институт изучения России, а в 1939 г. в столицу Югославии переехал из Праги Институт имени академика Н.П. Кондакова²¹.

В декабре 1920 г. в Королевство СХС прибыли три кадетских корпуса: Русский имени великого князя Константина Константиновича (300 кадетов) до 1929 г. работал в г. Сараево; 2-й Донской имени императора Александра III (320 кадетов) первоначально находился в Малой Билече (Герцеговина), а позднее (до 1933 г.) — в г. Горажде; Крымский (600 кадетов) сначала размещался в бывшем лагере военнопленных на хуторе Стрниште вблизи г. Птуя, затем (до осени 1944 г.) — в г. Белая Церковь. В г. Новый Бечей до закрытия в 1933 г. действовал Харьковский девичий институт имени императрицы Марии Федоровны (280 воспитанниц), в Белой Церкви до немецкой оккупации Югославии — Донской Мариинский девичий институт (250 воспитанниц), а в г. Великая Кикинда

²⁰ *Йованович М.* Русская эмиграция. С. 33; *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 216.

²¹ *Йованович М.* Русская эмиграция С. 323–330.

в 1921–1933 гг. работала 1-я русско-сербская девичья гимназия с общежитием (180 учениц). С октября 1920 до 1944 г. в Белграде действовала 1-я русско-сербская гимназия (150 учащихся), кроме того имелись реальная гимназия Всероссийского союза городов в имении Поновичи вблизи словенского г. Лития (до 1931 г.), русские реальные гимназии в Панчево (138 учеников), Нове Саде, Загребе, Земуне и Храстовце, прогимназия Всероссийского союза городов в Белграде, Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви, разнообразные учебные курсы и т.д.²²

Все они имели преподавателей Закона Божия в священном сане, а зачатую и домовые церкви. Изучение Закона Божия имело целью усвоение «истины веры и нравственности христианской в духе православной церкви». Многие преподаватели учебных заведений в Югославии использовали оригинальные образовательные идеи известного православного философа Василия Васильевича Зеньковского, позднее принявшего священный сан²³.

Идея славянской солидарности играла значительную роль для Русского педагогического общества, председателем которого был известный богослов профессор Александр Павлович Доброклонский. Так 31 января 1931 г. он писал в Министерство образования, что члены общества стремятся «посредством связей с югославскими профессорскими и преподавательскими объединениями создать прочную базу для идеи славянской и коллегиальной солидарности»²⁴.

Широкое распространение получила благотворительность, в том числе церковная. Было открыто 8 русских амбулаториев и здравниц, 6 домов престарелых и приютов для инвалидов, 14 детских домов-интернатов и приютов, общежития, более 10 детских садов (в программу которых входили беседы о Законе Божиим), частично при храмах и монастырях. Подавляющее число эмигрантов были верующими. Так, согласно материалам государственной переписи населения страны в марте 1931 г. из 26790 не принявших югославского гражданства русских беженцев 24214 (90,4%) назвали себя православными²⁵.

Это способствовало активному развитию церковной жизни. Как писал Н.М. Зернов, религия и Церковь несли русским людям в изгнании «образ России, который не могла уничтожить революция»²⁶. Уже 7 февраля 1921 г. по иници-

²² Там же. С. 315–316; Димич Л. Русские школы... С. 122–127.

²³ Степанов Н.Ю. Православные основы образования русских детей в эмиграции в Югославии // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 49.

²⁴ АЖ. 66-453-716.

²⁵ Йованович М. Русская эмиграция. С. 140.

²⁶ Зернов Н.М. Закатные годы: эпилог хроники Зерновых. Париж, 1981. С. 10.

ативе известного славянофила А.В. Васильева было создано «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». В марте его устав утвердил патриарх Димитрий, а в апреле 1921 г. — министр по делам религии М. Йованович. В 1923 г. в устав общества были внесены существенные изменения и дополнения, утвержденные русскими и сербскими церковными властями²⁷. На этой правовой основе начали создаваться русские церковные общины практически на всей территории страны.

Эмигранты из России построили в Югославии три церкви и две часовни, образовали сначала 8, а к 1941 г. — 12 русских приходов (в Белграде, Земуне, Панчево, Белой Церкви, Великой Кикинде, Новом Бечее, Великом Бечкереке, Нови Саде, Загребе, Сараево, Сремских Карловцах, Цриквенице) и несколько десятков общин при домовых храмах, духовные братства: прп. Серафима, Саровского чудотворца, в память о. Иоанна Кронштадтского, Святого Креста, Святой Руси, св. кн. Владимира, Благовещенское и др., церковные сестричества. Именно в Сербии возникло первое русское церковное сестричество в эмиграции — Мариинское Покровское. Оно было основано 30 декабря 1921 г. по инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая стала старшей сестрой в нем. Объединявшее свыше 200 сестер Мариинское сестричество занималось благотворительной деятельностью и сбором средств на постройки русских церквей и часовен. В Белграде также действовали богословский кружок имени св. Анастасия и св. Иоанна Богослова, православный студенческий кружок имени св. Серафима Саровского, союз прп. Сергия Радонежского, а в г. Белая Церковь (Бела Црква) — православно-миссионерское издательство²⁸.

Большое значение имело указание министра по делам религии о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея (Васича). В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах, в основном, в бедных сельских общинах. Этим российское духовенство оказало Сербской Церкви значительную помощь, возместив ее потери в священнослужителях, погибших в ходе войны, превысившие тысячу человек.

²⁷ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. С. 69.

²⁸ Там же. С. 68; Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 34.

В 1920-х гг. русские священники составляли около 10% всего клира Сербского Патриархата²⁹.

Чрезвычайно существенную роль сыграли русские монахи и монахини в развитии сербских обителей и распространении монашеских идеалов. Берлинская газета «Кройц-Цайтунг» в 1933 г. справедливо отмечала: «Сербские монастыри большей частью пустые, но значительная часть их [имеющихся] насельников состоит из русских. Не преувеличивая можно сказать, что угроза Православной Церкви от западного вольнодумства сербов только там перестает существовать для религиозной жизни, где русские привнесли пыл своей мистики и веры»³⁰.

Несколько десятков русских монахов прибыло в Сербию во второй половине 1920-х гг. из знаменитого Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, оказавшегося после 1918 г. на территории Финляндии. Монахи из России проживали во многих сербских монастырях, например, во фрушкогорских обителях Беочин, Врдник, Гргетег, Язак, а в некоторых случаях назначались настоятелями: игумен Сергей — монастыря Манасия, архимандрит Кирилл — монастыря св. Прохора Пчинского, епископ Сумский Митрофан (Абрамов) — монастырей Раковица и Дечаны, игумен Вениамин — обители св. Наума в Охриде. Целый ряд русских монахов были духовниками сербских обителей. Так, например, епископ Николай (Велимирович) в 1938 г. назначил духовником женского монастыря Йованье иеромонаха Серафима (Попова). Иеромонах, впоследствии схиигумен Сергей (Кошманов), до 1944 г. был духовником Сичевского женского монастыря в Сербии. В 1922–1923 гг. настоятелем монастыря Петковица (во имя св. Параскевы Пятницы) вблизи сербского г. Шабаца служил епископ Вениамин (Федченков), собравший там в тот период до 30 русских монахов и послушников. Среди них был скончавшийся в Петковице в середине 1920-х гг. принявший Православие в эмиграции еврей Савелий Константинович Эфрон — один из составителей известной энциклопедии Брокгауза и Эфрона³¹.

В монастыре Гргетег в середине 1920-х гг. существовало русское монашеское братство, возглавляемое иеромонахом Амвросием (Кургановым). В той же обители пребывал член Архиерейского Синода РПЦЗ епископ Александровский (в миру Михаил Иванович Космодемьянский), умерший 9 сентября 1925 г. В монастыре Привидина Глава проживал епископ Черноморский и Новороссий-

²⁹ Buchenau K. Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011. S. 281; AJ. 69-170-266, 69-171-267.

³⁰ Kreuz-Zeitung. Berlin. 13.06.1933.

³¹ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 161.

ский Сергей (в миру Степан Алексеевич Петров), возведенный 13 мая 1930 г. в сан архиепископа и скончавшийся в этой сербской обители 24 января 1935 г.

В 1925 г. игуменья Диодора (в миру Лидия Николаевна Дохторова) получила от сербских церковных властей в свое управление пустовавший монастырь свв. Кирика и Иулиты в Цариброде, куда она пригласила около 20 русских монахинь и послушниц из Жабковского монастыря в Бессарабии (эта община просуществовала в Югославии до 1950 г.). Кроме того, были образованы два самостоятельных русских монастыря: мужской в Мильково и женский в Хопово с 70 монахинями бывшего Леснинского монастыря, переселившимися в 1920 г. в Сербию³².

Пустовавший древний общежительный монастырь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Мильково на Фрушковой горе, основанный в начале XV в. св. деспотом Стефаном Высоким, в 1926 г. оказался передан русским монахам во главе с бывшим послушником Оптиной пустыни, выпускником Пензенской духовной семинарии и Варшавского университета, воевавшим в Добровольческой армии, иеромонахом Амвросием (в миру Владимиром Зиновьевичем Кургановым, 1894–1933). Монашеский постриг он принял в сербском монастыре Петковица 22 марта 1923 г., в том же году был посвящен в сан иеродиакона, 1 октября 1923 г. — во иеромонаха, в 1928 г. возведен в сан игумена, а в 1932 г. — архимандрита. За короткий срок он превратил обитель в центр русской духовной жизни, хотя формально она находилась в ведении Сербской Патриархии. Отец Амвросий не без успеха стремился возродить дух Оптиной пустыни за пределами России. Летом 1930 г. в Мильковском монастыре было 19 насельников: игумен, 4 иеромонаха, 4 иеродиакона, 6 монахов и 4 послушника. К 1933 г. в обители проживало уже 27 насельников, в основном выпускников богословского факультета Белградского университета, в том числе пять сербов. Многие из них в дальнейшем стали известными деятелями Русской Православной Церкви за границей: архиепископ Сан-Францисский святитель Иоанн (Максимович), архиепископы Антоний (Бартошевич), Антоний (Синькевич), Никодим (Нечаев), Антоний (Медведев), епископы Леонтий (Бартошевич), Филипп (Гарднер), архимандриты Киприан (Жерн), Савва (Струве), Никандр (Беляков) и др.

В числе иноков обители также были: будущий архиепископ Польской Православной Церкви Савва (Советов) и епископ Американской Православной

³²Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 346; Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 33–34; Его же. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; Маевский В.А. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 30–31; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. С. 70–71.

Церкви Тихон. Духовником в монастыре служил схииеромонах Марк. Митрополит Антоний (Храповицкий) относился к о. Амвросию как к своему ученику и вел постоянную переписку с ним. Владыка Антоний неоднократно приезжал в Мильковский монастырь, последний раз в 1935 г.³³

Архимандрит Амвросий стремился передать оптинскую традицию и сербам, поэтому охотно принимал в Мильковский монастырь сербских молодых людей, прежде всего, окончивших богословский факультет Белградского университета. Мильково было и место притяжения для участников движения богомильцев, активно посещавших его в летние месяцы, а также жителей окрестных деревень. Богомильцы считали о. Амвросия, принявшего в апреле 1933 г. постриг в схиму, «живым святым» или, по меньшей мере, праведником. Сразу после кончины схиархимандрита, последовавшей 30 мая 1933 г., один из сербских монахов написал его житие, а другой — икону³⁴.

Новым настоятелем монастыря стал духовный сын о. Амвросия игумен Лука (в миру Виктор Вячеславович Родионов). Отец Лука не только возглавлял Мильковскую обитель, но и был духовником женской общины Святого Креста, а позднее основал вблизи Джердапского ущелья преимущественно сербский женский монастырь Нимник³⁵. Правда, после смерти схиархимандрита Амвросия постепенно начались конфликты с местным сербским населением, вызванные нерешенностью споров о правах на землю, занимаемую обителью, в результате чего во второй половине 1930-х гг. братия Мильковской обители была вынуждена переселиться в старинный сербский монастырь Туман, расположенный у Джердапского ущелья — вблизи югославо-румынской границы³⁶.

Ко времени появления русских иноков в Югославии многие монастыри там пустовали или имели двух-трех насельников, поэтому принимавшие сербов русские обители стали важным фактором распространения воспитанного в лучших православных традициях монашества. Так, например, иеромонах Тадей (Штрбулович (1914–2003)), самая значительная аскетическая фигура в Сербской Церкви социалистического и постсоциалистического периода, получил свое монашеское воспитание в Мильково.

³³ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 157–161, 280.

³⁴ Антоний (Медведев), архиеп. Схиархимандрит Амвросий (Курганов). Белград, 2003. С. 33–42, 48, 59, 74, 92–94, 124–129, 137.

³⁵ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. С. 83–84.

³⁶ Vuchenaу K. Auf russischen Spuren... S. 285; Антоний (Медведев), архиеп. Схиархимандрит Амвросий (Курганов). С. 129.

Главной русской обителью в Югославии был широко известный в России Свято-Богородицкий Леснинский женский монастырь, основанный определением Святейшего Синода от 25 апреля 1884 г. в посаде Лесно Седлецкой губернии (Холмская Русь) в качестве монашеской общины, преобразованной в июле 1889 г. в монастырь. В 1915 г. значительная часть насельниц обители ввиду приближения немецких войск эвакуировалась в Петроград, а в 1916–1917 гг. переехали в Жабкинский монастырь Бессарабии. В августе 1920 г. сестры Леснинского монастыря переехали по приглашению принца-регента Александра I при содействии митрополита Евлогия (Георгиевского) и епископа Нишского Досифея (Васича) из занятой румынами Бессарабии в Королевство сербов, хорватов и словенцев. 70 монахинь во главе с игуменьей Екатериной (графиней Евгенией Борисовной Ефимовской, 1850–1925), которую после ее смерти 18 октября 1925 г. сменила игуменья Нина (Наталья Григорьевна Косаковская), сначала поселились в монастыре Кувеждин, а затем — в предоставленном им по решению Священного Архиерейского Синода в ноябре 1920 г. пустовавшем сербском монастыре во имя свт. Николая Чудотворца в Хопово на Фрушкой горе, в области Срем.

Из переписки ряда министерств королевства видно, что их привлекла возможность использовать леснинских сестер для социальной деятельности, прежде всего, для окормления сирот. Впрочем, министр социальной политики писал 1 июля 1920 г. в Министерство по делам религии, что помимо ухода за детьми, монахини «также будут прилежно работать над духовным обновлением нашего народа»³⁷. Существенную помощь в обустройстве монастыря оказал бывший глава Российской дипломатической миссии в Белграде В.Н. Штрандман.

В основанном в 1496 г. святым владыкой Максимом (Бранковичем) Хоповском монастыре хранилась рака с мощами убитого в 306 г., во время гонений на христиан, святого великомученика Феодора Тирона. Инокнии привезли в Хопово чудотворную Леснинскую икону Божией Матери и часть мощей преподобного Афанасия Брестского (XVIII в.). На попечении сестер находился большой детский приют, где к 1941 г. воспитывалось 35 детей от 3 до 10 лет (часть сирот из-за нехватки места разместили в соседнем женском монастыре Кувеждин). Приют существовал на средства государственной Комиссии по делам русской эмиграции, выделявшиеся через специальный комитет княгини Елены Петров-

³⁷ АЛ. 69-175-276.

ны. Всего за двадцать с лишним лет через хоповский приют прошло по разным сведениям от 500 до 1500 сирот, сербов и русских³⁸.

Настоятелем старинного (XVI в.) монастырского храма свт. Николая Чудотворца (у входа в который 19 октября 1925 г. похоронили игумению Екатерину) служил один из самых выдающихся пастырей русского зарубежья, друживший с архимандритом Иустином (Поповичем), протоиерей Алексей Нелюбов (1879–1937), духовниками — изгнанные с Валаама в 1926 г. за приверженность старому стилю иеромонахи Никандр (Беляков) и Тимолай (Пастухов). Влияние Хоповского монастыря еще более усилилось в начале 1930-х гг., когда его духовником некоторое время был русский афонский старец схиархимандрит Кирик, специально приглашенный по совету митрополита Антония (Храповицкого) сербским патриархом Варнавой с Афона, чтобы стать духовным руководителем всего сербского монашества. Отец Кирик подолгу жил в монастыре, который под его влиянием получил определенные афонские черты³⁹.

Сербским наместником обители и экономом был о. Паисий, который распределял монастырские доходы так, что подавляющая их часть шла в казну Патриархии. Значительную помощь монастырю оказывали югославский король Александр Карагеоргиевич и бывший российский посол в Сербии Василий Николаевич Штрандтман, неоднократно приезжавшие в Хопово⁴⁰.

В монастырь также часто приезжали русские студенты и молодые интеллигенты. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал об этом так: «О. Алексей Нелюбов, священник обители (мой земляк-туляк), пастырь прекрасной духовной жизни, привлекал в Хопово многих и вскоре стал любимым духовником... молодых интеллигентных паломников и паломниц. М. Екатерина, просвещенная и глубоко религиозная игумения, всегда умела влиять на молодежь и воодушевлять ее. К ней тоже потянулись юные души, взыскующие руководства на путях духовной жизни»⁴¹.

В сентябре 1925 г. в Хоповском монастыре состоялся III съезд Русского христианского студенческого движения при участии Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого, почетного председателя съезда), профессоров Свято-Сергиевского института в Париже и богословского факультета Белградского университета: протоиерея Сергея Булгакова, С.Л. Франка, В.В. Зень-

³⁸ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005. С. 35.

³⁹ Buchenau K. Auf russischen Spuren... S. 288.

⁴⁰ Преподобная Екатерина Леснинская наставница современного женского монашества. Промон, 2010. С. 142–143.

⁴¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 340.

ковского, Л.А. Зандера, С.В. Троицкого, Г.Г. Кульмана и других известных церковных деятелей, в том числе профессора Н.Н. Глубоковского⁴².

Хоповский монастырь находился в ведении сербского викарного епископа Сербской Патриархии, но сестры сохранили традиции Леснинской обители. Они содействовали возрождению после более чем двухвекового перерыва женского православного монашества в Сербии. В значительной степени благодаря прибытию из России изгнанных из своих обителей насельниц, в Югославии к 1941 г. появились 27 женских монастырей (вместе с сестричествами — 32), и настоятельницами многих из них стали русские монахини⁴³.

Трудно переоценить вклад русских эмигрантов в развитие богословских наук и духовного образования Сербской Православной Церкви. Так, основание богословского факультета Белградского университета было предусмотрено уже законом об университете 1905 г., но в то время оно не произошло из-за недостатка профессоров. Прибытие в Сербию русских богословов, прежде всего, профессоров российских духовных академий, коренным образом изменило ситуацию. В 1921 г. богословский факультет был создан, и в число его первых профессоров по контракту приняли пять русских: выдающегося библеиста Николая Никаноровича Глубоковского (в 1923 г. перешедшего в Софийский университет), патолога и церковного историка Александра Павловича Доброклонского (с 1931 г. до своей смерти в 1937 г. он возглавлял Русский научный институт в Белграде), известного церковного историка протоиерея Феодора Ивановича Титова (бывшего профессора Киевской духовной академии, скончавшегося 20 декабря 1935 г.), богослова Валентина Лауданского и филолога Михаила Александровича Георгиевского, преподававшего древнееврейский язык. В разные годы на факультете работали также В. Зеньковский, А.П. Рождественский, К.М. Смирнов, М. Зеремский, В.Ф. Фрадинский и др. В 1922/23 учебном году русские эмигранты составляли 25% преподавателей богословского факультета. Следует отметить, что в первые годы даже некоторые учебные дисциплины преподавали на русском языке. Значительная часть факультетской библиотеки (к 1930 г. — 30 тыс. книг) также состояла из русских книг, прежде всего, привезенных ректором протоиереем Стефаном Димитриевичем из его поездки в Москву в 1923 г.⁴⁴

⁴²Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 33.

⁴³Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 50–58; Арсеньев А. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 77; Йованович М. Русская эмиграция. С. 276.

⁴⁴Buchenau K. Auf russischen Spuren... S. 290–291; AJ. 66-591-979.

Очень велико было число русских студентов богословского факультета, особенно в первые годы его существования. Так, в 1922 г. их насчитывалось 51 человек, что составляло около половины всех учащихся. В 1923–1927 гг. доля русских студентов на факультете колебалась между 40 и 50%, затем начала постепенно снижаться: в 1928 г. — 25%, в 1929 г. — 19%, в 1930 г. — 14%, а в 1931–1939 гг. колебалась между 6 и 10%⁴⁵.

Некоторые русские выпускники Белградского университета стали в дальнейшем архипастырями или известными церковными деятелями: архиепископы Серафим (Иванов), Антоний (Бартошевич), Савва (Советов) и Антоний (Синкевич), епископы Василий (Родзянко), Филипп (Гарднер), Леонтий (Бартошевич) и Григорий (Граббе), архимандрит Киприан (Керн), профессор-протоиерей Николай Афанасьев, доктор богословия профессор Викентий Флорианович Фрадинский, богослов и церковный историк, первый редактор «Вестника Русского студенческого христианского движения» Николай Михайлович Зернов и др. Накануне начала Второй мировой войны в 1939 г. на богословском факультете Белградского университета преподавали два русских профессора: славист Степан Михайлович Кульбакин и Сергей Викторович Троицкий (известный специалист по церковному праву, советник Сербской Патриархии по каноническим вопросам) и обучались 23 русских студента.

В 1920 г. при активном участии русских эмигрантов был открыт православный богословский факультет в Загребском университете (ректор Владан Максимович). В 1922/23 учебном году из 30 его студентов 17 были русскими и лишь 13 сербами. Правда, в 1924 г. по финансовым и политическим причинам этот факультет оказался закрыт⁴⁶.

Еще в большем количестве, чем на богословских факультетах университетов, русские эмигранты преподавали во всех пяти сербских духовных семинариях, например, в Карловацкой семинарии св. Саввы в разные годы 14 человек: Николай Георгиевич Дориомедов, Владимир Николаевич Халаев, Николай Александрович Акаемов, Сергей Михайлович Муратов, Владимир Алексеевич Розов, Федор Федорович Балабанов, Владимир Смолянинов, протоиереи Иоанн Сокаль, Василий Виноградов, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Нил Малахов и Борис Селивановский⁴⁷.

⁴⁵ Buchenau K. Auf russischen Spuren... S. 291; AJ. 66-591-978; Arhiv Srbije. Beograd (AS). G200. 1-120/1938, 1-91/1939.

⁴⁶ Buchenau K. Auf russischen Spuren... S. 276.

⁴⁷ Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 76; *Его же*. У излуцины Дуная. С. 33.

В целом русские в 1920-е гг. составляли от трети до четверти преподавателей духовных семинарий, но в отдельных случаях даже подавляющее большинство. Так, в первый год деятельности открывшейся в 1922 г. Битольской духовной семинарии св. ап. Иоанна Богослова из пяти ее преподавателей четыре были русскими: иеромонах (будущий епископ Лондонский) Николай (Карпов), священник Иоанн Сокаль, Владимир Тимофеев и Сергей Наумов. В дальнейшем в Битольской семинарии в разные годы преподавали еще семь русских эмигрантов: Николай Шуба, Алексей Моргуль, Иннокентий Анисимов, профессор Виктор Квачадзе, профессор Виктор Волобуев, святитель Иоанн (Максимович), будущий архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, а также известный богослов архимандрит Киприан (Керн), первый русский эмигрант, закончивший в 1925 г. богословский факультет Белградского университета⁴⁸.

В находившейся в древней столице Черногории г. Цетинье духовной семинарии св. Петра Цетинского преподавали иеромонах Филипп (Гарднер), Иннокентий Анисимов, Владимир Стадницкий, Иван Якубов, Владимир Николаевич Халаев и профессор Николай Георгиевич Дориомедов. В Призренской духовной семинарии в разное время читали лекции русские эмигранты: игумен Иоанн (Кухтин), протоиерей Иоанн Сокаль, священник Тихон Троицкий, профессор Василий Круликовский, библиист Федор Балабанов, преподаватель древнегреческого Пантелеймон Хапланов, историк Иван Чернявский, филолог и заведующий семинарской библиотекой Иван Якубов, а также преподаватель церковного пения Степан Гушин. В Сараевской духовной семинарии преподавали: бывший крупный чиновник Российского Святейшего Синода, один из ближайших сотрудников обер-прокурора К.П. Победоносцева, профессор Василий Скворцов (скончался и похоронен в Сараево в мае 1932 г.) и с 1938 г. священник Борис Константинович Селивановский⁴⁹.

В сербских духовных семинариях, также как и в белградском университете, было много русских студентов. При этом важное значение имело то, что они привнесли с собой в семинарии традицию студенческих кружков. Так, например, протоиерей Нил Малахов в 1928 г. основал в Карловацкой семинарии религиозно-философское общество, к которому принадлежали все профессора и учащиеся двух последних классов⁵⁰. Русские преподаватели были созда-

⁴⁸Buchenau K. Auf russischen Spuren... S. 323–327.

⁴⁹AJ. 66-1105-1434, 66-1094-1414, 66-1096-1419, 69-41-65.

⁵⁰Там же. 66-1094-1414.

телями и руководителями целого ряда других кружков и обществ в Духовных семинариях.

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев зародилось русское студенческое христианское движение (РСХД), распространившееся затем по всему зарубежью. Его начало было связано с деятельностью возникшего в 1921 г. по инициативе Н.М. Зернова небольшого кружка русских студентов богословского факультета Белградского университета, в который входили будущие известные деятели русского церковного зарубежья: св. архиепископ Иоанн (Максимович), архиепископ Серафим (Иванов), архиепископ Леонтий (Барташевич), епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Киприан (Керн) и др. На собраниях кружка бывал митрополит Антоний (Храповицкий), выступали с докладами архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), епископ Челябинский Гавриил (Чепур), профессор В.В. Зеньковский и Н.Н. Глубоковский⁵¹.

10–17 сентября 1925 г. в Королевстве СХС прошел упоминавшийся 3-й съезд РСХД, участие в котором принял митрополит Антоний (Храповицкий), так написавший об этом съезде 18 сентября иеромонаху Амвросию (Курганову): «Последнюю седмицу от четверга 28 авг. до четверга 4 сент. [по старому стилю] я провел в Хоповском женском монастыре на студенческой конференции, на которую съехалось 100 слушателей и 6 профессоров. Заседали и слушали рефераты целыми днями и ежедневно служили литургию и всенощную; юношество поразило меня своим умилением и благоговением. Можно ли было ожидать таких картин после революции? А ведь были все выборные от русских студенческих кружков с целой Европы. Напоследок все исповедовались и причащались. Глубоковский прибыл на последние 2 дня из Швеции и тоже в восторге от всего виденного и слышанного; на последние 3–4 дня привезли Курскую чудотворную икону, и тогда рел. восторг молодых людей соединился с радостными слезами»⁵².

Впоследствии активная поддержка митрополитом Антонием РСХД, связанного с обществом ИМКА — Христианским союзом молодых людей (YMCA — Young Men's Christian Association) — межконфессиональной (преимущественно протестантской) организацией с центром в США, привела к острому конфликту между Первоиерархом РПЦЗ и архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым). В конце 1925 г. кружок студентов богослов-

⁵¹За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И.М. и М.В. Зерновых. Париж, 1973. С. 23–30.

⁵²Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 166– 167.

ского факультета Белградского университета был преобразован в Свято-Серафимовское общество, в котором возникло два течения. Представители одного больше интересовались вопросами аскетике и молитвы, а сторонники другого — православной культурой и миссионерскими задачами христианства. Однако центр русского христианского студенческого движения к тому времени уже переместился в Париж.

30 июня 1926 г. Архиерейский собор Зарубежной Русской Церкви, заслушав доклад архиепископа Феофана (Быстрова) об американском Союзе христианской молодежи, постановил: «1) Относительно американских интерконфессиональных организаций YMCA и YWCA (Союз христианской молодежи и Всемирная христианская студенческая федерация) подтвердить постановление Русского Всеамериканского Церковного Собора 1921 г. в Сремских Карловцах: признать эти организации явно масонскими и антихристианскими, и потому 2) не разрешать членам Православной Церкви организовываться в кружки под руководством этих и подобных им неправославных и нецерковных организаций и быть в среде их влияния». Впрочем, обсудив в тот же день обращение Съезда бюро РСХД в Западной Европе на имя Собора с выражением преданности и просьбой о духовном руководстве движением, Архиерейский Собор постановил: «Благословить и взять под свое покровительство и руководство все православные студенческие кружки, которые в своем уставе официально и определенно называют себя православными, устраивают свою внутреннюю и внешнюю жизнь в полном согласии с началами Святой Православной Церкви, находятся в неперемнной зависимости и под руководством Православной иерархии или лиц, облеченных ее доверием, и без ее благословения ничего существенного и значительного не делают»⁵³.

Через месяц, 22 июля, митрополит Антоний отправил секретарю РСХД диакону Л. Липеровскому объяснительное письмо по поводу решения Архиерейского собора о запрещении своим чадам находиться в организации ИМКА: «...областной православный Собор, объединяющий лично и через письменные отзывы 32 архиереев в трех частях света, не мог дать официально своего благословения никакому учреждению, кроме тех, которые именуют себя православными; но он не воспретил своим пасомым состоять членами общества YMCA, а не одобрил только их пребывания под его духовным руководством, как учреждения, хотя и христианского, но интерконфессионального; но службы же в этом обществе в качестве его чиновников Собор не воспретил, как не воспре-

⁵³ Возрождение. Париж. 1926. № 465. 10 сентября. С. 2.

тил участия в его издательствах, в коих и я принимал участие, так как никакой противоправославной пропаганды я не встречал за последние 4–5 лет ни в изданиях Общества, ни в субсидируемом им Парижском богословском институте, ни в отношении его к русским молодым людям. <...> Что касается до отзыва Собора о самом обществе УМСА, то естественно оно явилось повторением отзыва такого же Собора 1921 г.; с тех пор произошла значительная эволюция в Обществе, но Собору настолько мало известная, что я, зная о последней, не мог навязать своего убеждения собратьям-архиереям, к Собору коих Вы обратились с запросом о благословении; надеясь, что Ваша разрастающаяся и растающая в жизнь Православной Церкви деятельность ко времени дальнейших Соборов расположит их к полному доверию и сочувствию Вашему движению»⁵⁴.

Публикация этого письма в газете «Возрождение» вызвала протест архиепископа Феофана, которому вскоре пришлось уйти из Архиерейского Синода. Однако большого развития в Югославии русское христианское студенческое движение все-таки не получило. В сентябре 1927 г. братство прп. Серафима Саровского известило руководство РСХД о своем решении выйти из движения⁵⁵.

Из более чем 70 работавших в Югославии русских архитекторов очень многие (Г.И. Самойлов, В.М. Андросов, В.В. Шашевский, В.В. Лукомский, Н.П. Краснов, П.Д. Анагности, И.А. Рыка, В. Холменко, А. Клепинин и др.) возводили по своим проектам храмы для сербов. Только Василий Михайлович Андросов построил более 50 церквей в различных городах и селах Югославии. По проектам Виктора Викторовича Лукомского были возведены здание Сербской Патриархии в центре Белграда, церковь св. Саввы на Врачаре и придворная церковь св. Андрея на Дединье. Архитектор Николай Петрович Краснов произвел реконструкцию церкви Ружице в центре Белграда — крепости Калемегдан — и в 1923–1925 гг. возвел вместо разрушенной австро-венгерскими войсками новую часовню, посвященную черногорскому государю и Владыке Петру Негошу на вершине горы Ловчен. Профессор Александр Дерок и архитектор Петр Дмитриевич Анагности совместно построили епархиальный комплекс в г. Нише⁵⁶.

Григорий Иванович Самойлов прославился тем, что, проведя в 1941–1945 гг. четыре года в нацистском концлагере Сталаг IX-C вблизи Бухенвальда, построил там, выменивая продукты на материалы и инструменты, «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях военнопленных»

⁵⁴Там же.

⁵⁵Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. С. 118.

⁵⁶Там же. С. 70–71.

(сейчас ее иконостас находится в часовне на Центральном кладбище Белграда). Этот архитектор также участвовал в проектировании и строительстве церкви св. Иоанна Крестителя в с. Вучья, церкви св. Архангела Гавриила в Белграде и храма в г. Баня Лука⁵⁷.

Широкую известность в Югославии приобрели русское иконописное искусство, оказавшее большое влияние на сербов. Из церковных художников выделялись И.П. Дикой, Б.И. Образков, В.Я. Предаевич, барон Н.Б. Мейендорф и В.Н. Шевцов, которые участвовали в украшении храма-мавзолея королевской династии Карагеоргиевичей в Опленце. Особую признательность заслужило творчество знаменитого иконописца и реставратора Пимена Максимовича Софронова (1898–1973), в 1934–1937 гг. руководившего Синодальной иконописной школой в монастыре Раковица вблизи Белграда, открытой по инициативе патриарха Варнавы⁵⁸. Среди его учеников в этой школе были: епископ Иоанн (Булин), игумен Тадей (Штрбулович), известный позднее в Болгарии иконописец Николай Шелихов и многие другие. П.М. Софронов написал и отреставрировал множество икон для русских, сербских, украинских, болгарских и греческих церквей, работал он и в Ватикане. В статье, написанной к пятилетию кончины иконописца, отмечалось: «Софронов стал как бы посредником между религиозной живописью России, Сербии, Болгарии. Он как бы скреживал многовековые традиции религиозного искусства этих народов, поставив себе целью возрождение византийских и старославянских традиций в новых временах»⁵⁹.

Ценилось в Югославии и русское церковное хоровое пение. Так, русский хор Вознесенской церкви в Белграде под управлением Алексея Васильевича Гринкова считался одним из лучших в стране. Широкой известностью пользовался и хор Свято-Богородичной церкви в г. Земуне под руководством Евгения Прохоровича Маслова. По свидетельству М.М. Родзянко, «его хор в Белграде был самый лучший, концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил». Именно этот хор отпевал убитого в 1934 г. хорватскими националистами — усташами — югославского короля Александра I и провожал его в последний путь в храм-усыпальницу в Опленце⁶⁰.

⁵⁷ *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. С. 280.

⁵⁸ *Йованович М.* Русская эмиграция. С. 340.

⁵⁹ *Завалишин В.* Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова) // Русское возрождение. 1980. № 12. С. 177–187.

⁶⁰ *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии. С. 73–74.

В г. Сремски Карловцы проходили ежегодные Архиерейские соборы РПЦЗ и находился ее руководящий орган — Архиерейский Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), а после его смерти 10 августа 1936 г. — во главе с митрополитом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским). Важную роль в руководстве РПЦЗ имела Синодальная канцелярия, первым начальником (управляющим) которой был Ексакустодиан Иванович Махароблидзе, а с 12 августа 1931 г. — граф Георгий (Юрий) Павлович Граббе. Уже в 1941 г. Синодальная канцелярия так объясняла это изменение: «...увольнение Е.И. Махароблидзе произошло <...> вследствие крайне небрежного ведения им делопроизводства и синодальной денежной отчетности (чем создавались большие затруднения для работы Архиерейского Синода и нанесен был ему большой материальный ущерб), а также вследствие непредставления им отчета по изданию “Церковных Ведомостей”...»⁶¹

С 23 марта 1922 г. по 1 октября 1930 г. при Архиерейском Синоде издавался двухнедельный журнал «Церковные ведомости» под редакцией Е.И. Махароблидзе, а в дальнейшем — ежемесячный журнал «Церковная жизнь» под редакцией Г.П. Граббе (январь 1933–1944 гг.). Кроме того, в Белграде выходили: в 1928–1940 гг. газета «Царский вестник» под редакцией Николая Павловича Рклицкого (будущего архиепископа Никона), регулярно печатавшая статьи на церковно-общественную тематику, и в 1937–1944 гг. — частный журнал «Церковное обозрение», представлявший себя как «ежемесячный независимый орган свободной церковно-религиозной мысли», под редакцией Е.И. Махароблидзе, а позднее А.С. Залесского (в основном находившийся в оппозиции Архиерейскому Синоду). Основанная в 1924 г. в Любляне национально-культурная организация «Русская Матица» (председатель Александр Дмитриевич Билимович) в 1925 г. с благословения митрополита Антония (Храповицкого) начала выпускать журнал «Благовест»⁶².

Важнейшим храмом русской эмиграции в Югославии была церковь Пресвятой Троицы в Белграде (где проживало около 10 тыс. эмигрантов). Первую литургию для беженцев из России в столице Королевства СХС отслужил 20 сентября 1920 г. в помещении столовой Русского общества взаимопомощи на ул. Короля Петра приехавший из Новороссийска протоиерей Петр Беловидов (он

⁶¹Церковная жизнь. 1941. № 3-12. С. 34.

⁶²Bundesarchiv Berlin (BA). 62 Di1/85. Bl. 52; *Глигориевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. С. 111–113; *Бондарева Е.* Под сенью Святой Троицы. История Русской церкви в Белграде // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1999. № 7. С. 24.

еще в марте 1920 г. получил благословение на проведение богослужений от белградского митрополита Димитрия). Через полтора месяца (после уничтожившего столовую 4 ноября пожара) службы перенесли в здание школы на Богоявленской ул., а в конце ноября 1920 г. — в 3-ю сербскую мужскую гимназию на Негушевой ул., предоставившей часть своих помещений созданной в середине октября 1-й русско-сербской гимназии. С мая 1922 г. богослужения продолжались в полковой походной церкви, устроенной в деревянном бараке, и в кладбищенской часовне на холме Ташмайдан, вблизи сербской церкви св. ап. Марка. Именно здесь, на месте барака в 1924–1925 гг., и была построена каменная церковь Пресв. Троицы по проекту и под наблюдением военного инженера В.В. Сташевского⁶³.

Закладку храма 24 декабря 1924 г. произвели митрополит Антоний (Храповицкий) и сербский патриарх Димитрий (хотя он и не одобрял строительство особых русских церквей, считая, что эмигранты могут молиться в сербских). Председатель Совета министров королевства русофил Никола Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров (его жена Джурджина Пашич подарила Троицкой церкви колокол), два кирпичных завода пожертвовали кирпичи, часть денег на строительство храма была собрана среди русских эмигрантов. Скромную однопрестольную церковь (на 300–400 человек), возведенную в псковском стиле XV в., освятил 5 июля 1930 г. новый сербский патриарх Варнава. Иконы в двухъярусном дубовом иконостасе исполнили В.Я. Предаевич и князь М.С. Путятин; некоторые образа для храма написали известный иконописец П.М. Софронов и будущий архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний (Барташевич). В 1941–1942 гг. барон Н.Б. Мейендорф написал большую фреску Христа Пантократора в купольной части (утраченную при реконструкции храма в начале 2000-х гг.)⁶⁴.

25 апреля 1928 г. в Брюсселе скончался вождь Белого движения генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, завещавший похоронить себя в Белграде, в русской церкви, под сенью русских штандартов. Его воля была выполнена не сразу из-за сложностей с сербскими властями. 8 мая 1928 г. митрополит Антоний (Храповицкий) так писал об этой ситуации личному секретарю генерала

⁶³ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–2, 4–8; *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. 5 июня 1939. № 236–237. С. 10–12; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии. С. 69; *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 23–29.

⁶⁴Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 199–200.

Н.М. Котляревскому: «...я постараюсь повидать больного патриарха Димитрия и попытаться просить его о погребении незабвенного Петра Николаевича в Белграде, хотя жители Карловцев очень пристают, чтобы погребение состоялось здесь в фамильном склепе. Вам, конечно, известно, что Патр. Димитрий очень недоволен построением церкви русской в Белграде и так и не позволяет устроить полное освящение ее, а только разрешил нам служить на походном антиминсе. Надеюсь, что разрешение будет дано Королем, и тогда Патриарх не будет противоречить. Конечно, со своей стороны я употреблю всяческие старания, чтобы осуществить желание покойника. Опасения свои сообщаю только на всякий случай. Патриарх желает, чтобы русская церковь была передана в Марковский сербский приход после отбытия беженцев в Россию, чего по видимому нам не дождаться, т.е. нашему поколению. По существу дела это и могло бы помешать погребению здесь Петра Николаевича, а мы будем стараться, чтобы оно исполнилось»⁶⁵.

Эти старания увенчались успехом, П.Н. Врангель был погребен 6 октября 1929 г. в правом притворе Свято-Троицкого храма. В грандиозной церемонии похорон участвовали патриарх Димитрий, митрополит Антоний, сонм сербского и русского духовенства, 129 представителей гражданских эмигрантских организаций, 125 представителей военных и казачьих объединений и частей и 72 представителя русских колоний королевства⁶⁶. До 1944 г. в церкви пребывали Одигитрия русского рассеяния — чудотворная Курско-Коренная икона «Знамение» Божией Матери, вывезенная из России архиепископом Курским и Обоянским Феофаном (Гавриловым), а также около 240 штандартов и знамен императорской и белой армии, среди которых были знамена времени царя Алексея Михайловича.

В межвоенные годы при Свято-Троицкой церкви действовало благотворительное общество о. Иоанна Кронштадтского, в работе которого принимал участие игумен Иоанн (Максимович) — будущий святитель, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Общество содержало приют для безработных и общежитие для студенток; приход издавал брошюры и периодический журнал «Странник». Окормление многотысячного прихода шло довольно успешно, так, в 1930 г. было совершено свыше 200 литургий, общее же количество богослу-

⁶⁵Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 210.

⁶⁶Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929. С. 5–82.

жений приближалось к 500. В храме совершались многочисленные епископские хиротонии, в богослужениях часто участвовало до 12 архиереев⁶⁷.

В церкви неоднократно служили и произносили проповеди сербские патриархи Димитрий, Варнава и Гавриил. Так, например, святитель Варнава 22 июля 1930 г. в своем слове сказал: «Люблю вас не только как русских людей, живущих в моей патриархии, но еще сильнее люблю вас, как представителей великого русского народа, опоры Вселенской Церкви, народа, который принимал всех в свое сердце, особенно же южных славян, среди которых были и мы, сербы»⁶⁸. Троицкий храм часто посещали югославский король Александр, королева Мария, члены королевской семьи, министры и иностранные дипломаты.

При этом причт Троицкой церкви (3–4 священника) находился в определенной оппозиции Архиерейскому Синоду, считал себя «хозяином храма», а русских епископов «беженцами, живущими из милости в Сербской Патриархии и поэтому лишь терпел, что они служили в Белградской церкви». Дело дошло до того, что белградский приход отказался вносить деньги на содержание Архиерейского Синода в тот момент, когда в югославской правительственной прессе началась инспирированная русскими общественными кругами во Франции и США кампания против Синода⁶⁹. Первым настоятелем Троицкого храма служил протоиерей (в дальнейшем протопресвитер) Петр Беловидов, скончавшийся в 1940 г. Его сменил протоиерей Иоанн Сокаль, остававшейся настоятелем церкви до отъезда в СССР в 1950 г.

В 1930–1931 гг. на русском участке Нового кладбища в Белграде была построена Иверская часовня, воздвигнутая после того, как советские власти в 1929 г. уничтожили одноименную часовню XVII в. у Воскресенских ворот перед Красной площадью в Москве. К этому времени на Новом кладбище уже были погребены некоторые известные российские деятели. Так, например, в апреле 1920 г. здесь оказался похоронен верховный главнокомандующий российской армии в годы I Мировой войны, инициатор создания Добровольческой армии, генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Он скончался еще 8 октября 1918 г., но гроб с телом генерала был увезен в эмиграцию. В похоронах М. Алексеева участвовали члены правительства королевства и белградский митрополит Димитрий⁷⁰.

⁶⁷Царский вестник. 1930. № 82. С. 4.

⁶⁸Православная Русь. 1977. № 14. С. 7.

⁶⁹Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1959. Т. 5. С. 99–100.

⁷⁰Иованович М. Русская эмиграция. С. 446.

Большую часть хлопот по организации сбора средств для постройки часовни взяла на себя председатель Мариинского сестричества княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская. Деньги пожертвовали югославский король Александр I, принц Павел, принцесса Ольга, русские и сербские церковные общины, а также большое количество зачастую очень бедных русских эмигрантов из многих стран мира. 22 апреля 1930 г. митрополит Антоний (Храповицкий) заложил здание Иверской часовни, в фундамент которой была положена горсть русской земли. 5 июля 1931 г. построенную военным инженером Валерием Владимировичем Сташевским часовню освятили сербский патриарх Варнава и митрополит Антоний. На ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: свт. Николая — в память императора Николая II, и свт. Алексия — в память цесаревича Алексея. В часовне были собраны святыни главных городов России: в память Москвы — Иверская икона Божией Матери (привезенный с Афона список), в память Киева — икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), и в память Петрограда — список образа Нерукотворного Спаса, бывшего в домике Петра Великого⁷¹. Часовня имела алтарь и иногда служила вторым приходским храмом Белграда. В крипте были помещены саркофаги с костями русских воинов, на полу разложены артиллерийские снаряды, винтовки, медали и ордена погибших солдат. В этой усыпальнице в 1936 г. и был погребен скончавшийся 10 августа Первоиерарх Зарубежной Русской Церкви митрополит Антоний.

9 апреля 1933 г. напротив Иверской часовни в присутствии короля Александра I был открыт величественный памятник павшим русским воинам, возведенный скульптором и архитектором Романом Николаевичем Верховским (проект выполнил В.В. Сташевский, идея исходила от полковника М.Ф. Скородумова). Монумент был выполнен в форме снаряда с фигурой Архангела Михаила на вершине. На лицевой стороне памятника по-русски написано: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны», а на противоположной по-сербски: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918 гг.», тут же значатся имена вождей Белого движения, названия воинских союзов и объединений, имена жертвователей на постройку памятника. В часовне-склепе под монументом были погребены перевезенные из разных мест останки 623 русских воинов, погибших в Первую мировую войну на территории Сербии: в составе двух русских батарей, оборонявших Белград, и экспедиционного корпуса на Салоникском фронте. Над входом в склеп написа-

⁷¹ *Маевский В.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932. С. 30–59.

но «Спите орлы боевые», а на сделанном из рельсов кресте в часовне: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии»⁷².

Всего на Салоникском фронте погибло более 6 тысяч русских воинов, но лишь десятую часть из них смогли перезахоронить в склеп памятника. Одна из таких церемоний — торжественное захоронение 8 офицеров и 379 солдат — состоялась в 1935 г. в день славянских просветителей свв. Кирилла и Мефодия в присутствии множества русских и сербов. В своем надгробном слове патриарх Варнава сказал: «Мы давно ожидали дня, когда всенародно и торжественно сможем принести им нашу благодарность и засвидетельствовать перед всей нашей страной и перед всем человечеством, что ничто не может угасить наших чувств любви и благодарности к царской России и к великому русскому народу... В истории мира не было страны, подобной России: эта страна – бездонный океан святых чувств православной, христианской любви!.. И все мы хорошо знаем, как наши северные братья, русские, вместе с нами боролись и гибли в битвах на полях Сербии и своею кровью, своею смертью подтвердили свою любовь к нам, меньшим братьям своим»⁷³.

Еще одна — домовая — церковь была устроена в возведенном в 1931–1933 гг. в Белграде по проекту архитектора В.Ф. Баумгартена Русском доме имени императора Николая II. В этом находившемся в центре города на ул. Кралици Наталии, 33 просторном здании размещались Русский научный институт, Публичная библиотека, Музей русской кавалерии, мужская и женская гимназии, музыкальное общество, союз художников и множество других русских общественных организаций⁷⁴.

Позднее домовая церковь была создана и в русском доме престарелых на Вождовце (район Белграда). В 1942–1944 гг. ее настоятелем служил священник Даниил Думский, а после его отъезда осенью 1944 г. из Югославии в Германию — протоиерей Сергей Ноаров. Активная церковная жизнь шла в существовавшей с октября 1920 г. 1-й русско-сербской гимназии Белграда, в которой преподавали многие известные пастыри: в 1920–1931 и 1936–1939 гг. — протоиерей (позднее протопресвитер) Петр Беловидов, в 1927–1944 гг. — священник Владислав Неклюдов, и в 1940–1944 гг. — протоиерей Георгий Флоровский⁷⁵.

⁷² *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 40–41; Русские храмы и обители в Европе. С. 202–203.

⁷³ *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 42–44.

⁷⁴ *Ураков М.А.* Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде // *Славяноведение.* 1994. № 4. С. 59.

⁷⁵ *Зарубежная русская школа, 1920–1924.* Париж, 1924. С. 36–37; *Степанов Н.Ю.* Православные основы... 52–54; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии. С. 80–82.

Вторым по значению центром русской эмиграции в Югославии после Белграда был город Белая Церковь (Бела Црква), расположенный вблизи дунайской границы с Румынией. В межвоенный период здесь размещались: Крымский кадетский корпус, Донской Мариинский институт, Николаевское кавалерийское училище и детский приют под покровительством княгини Елены Павловны, сестры короля Югославии. В Крымском корпусе и Донском институте существовали свои домовые храмы, настоятелем институтской церкви много лет служил протоиерей Василий Боцановский, наделенный замечательным даром проповедования. В 1938 г. в Белой Церкви с большим размахом прошло совместное выступление хора кадетов и воспитанниц Донского института на праздновании 750-летия крещения Руси⁷⁶.

Кроме того, в начале 1920-х гг. в зале на ул. Гете, д. 80 была устроена русская приходская церковь св. Георгия Победоносца для жителей города. В 1927–1929 гг. в ней часто служил работавший в это время законоучителем Крымского кадетского корпуса и возглавлявший небольшие пастырско-богословские курсы епископ Севастопольский Вениамин (Федченков)⁷⁷.

В начале 1927 г. этот владыка пригласил в Белую Церковь молодого монаха Иоанна (в миру князя Дмитрия Алексеевича Шаховского, будущего архиепископа Сан-Францисского, 1902–1989), 6 марта 1927 г. рукоположил его во иеромонаха и назначил настоятелем Георгиевского храма и наставником пастырских курсов. Позднее архиепископ Иоанн так вспоминал об этих курсах: «Вакансии пастырские в сербских приходах тогда были открыты в значительном числе. Сербская Церковь охотно предоставляла пастырских труд русским священникам. <...> Чтобы не заставлять пожилых людей проходить полного семинарского курса, <...> и был устроен ускоренный выпуск кандидатов в пастыри»⁷⁸.

Вскоре после приезда в Белую Церковь иеромонах Иоанна открыл в приходе издательство «Борьба за Церковь» (Православное русское зарубежное миссионерское подворье), которое выпускало газету «Борьба за Церковь», миссионерские «Белоцерковские листки», духовные книги и брошюры: сборник статей о Иоанна «Церковь и мир», «200 глав прп. Иоанна Лествичника», «Пламень вещей» прп. Исаака Сирина, «Сборник для сознательного участия мирянина в богослужении», «Моя первая Священная История», «Из дневника о. Иоан-

⁷⁶ *Бегидов А.М.* Военное образование в зарубежной России, 1920–1945. М., 2001. С. 81.

⁷⁷ *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. С. 340.

⁷⁸ *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Вера и достоверность. Париж, 1982. С. 30.

на Кронштадтского» и др. Он же стал инициатором постройки на собранные по всей Сербии пожертвования отдельного каменного храма св. ап. Иоанна Богослова. Церковь была построена в псковском стиле по проекту архитектора А.П. Шевцова в 1930–1932 гг. и оставалась русской до середины 1950-х гг. Отец Иоанн служил настоятелем прихода в Белой Церкви до 9 апреля 1931 г., а затем перешел из РПЦЗ в Западно-Европейский экзархат митрополита Евлогия и уехал во Францию (в 1932 г. в Германию), опубликовав острую брошюру «Почему я ушел из юрисдикции митрополита Антония?». После этого издательство «Борьба за Церковь» прекратило существование⁷⁹.

В письме графу Г.П. Граббе от 14 апреля 1931 г. митрополит Антоний (Храповицкий) так описал свое потрясение от ухода о. Иоанна: «А теперь у нас горе по Белой Церкви. Печатные предсказания об Иоанне Шаховском оправдались в полной мере. Ни с того, ни с сего, без всякого выступления с моей стороны, он мне под самую ночь Воскресения Христова прислал дерзкое вызывающее письмо, укоряя меня за окружное послание против М<итр> Евлогия и заявил, что он выходит из моей юрисдикции и переходит в Сербскую. Точно бомба взорвалась подо мною... Теперь он уже хлопчет о визе для переезда в Париж. Конечно, скатертью дорога, но он должен прежде сдать церковь прот. Бошановскому, и тут опять пойдет затяжка и мученичество...»⁸⁰. В дальнейшем настоятелем Иоанно-Богословского храма служил о. Василий Бошановский.

По личной инициативе вдовы бывшего российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига А.П. Гартвик в г. Цриквеница в 1928 г. была возведена небольшая русская церковь, настоятелем общины в этом городе в 1920-е гг. служил священник Митрофан Виноградов. Кроме того, в Словении, в местечке Вршич вблизи г. Краньска Гора, в 1919–1920 гг. бывшие военнопленные российской армии построили русскую православную часовню на кладбище, где во время I Мировой войны оказались похоронены 300 их содержавшихся в местном лагере собратьев (часовня сохранилась до настоящего времени).

В г. Сараево в 1920–1929 гг. находился Русский кадетский корпус имени великого князя Константина Константиновича. Первым храмом для его преподавателей и учащихся стала сербская церковь, в строительстве которой в 1863 г. участвовала и Россия. В марте 1921 г. специально для корпуса в здании бывших военных казарм была устроена домовая церковь св. кн. Александра Невского

⁷⁹ *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 63–89; Русские храмы и обители в Европе. С. 206–207.

⁸⁰ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 241.

(ее настоятелем служил законоучитель корпуса), вскоре появился русский участок на военном кладбище. Многие преподаватели Русского корпуса проявили себя как неплохие иконописцы, написав для Александро-Невской церкви иконы, иконостас также был создан силами самих преподавателей и кадетов. Хор корпуса очень ценили в Сараево, кадеты пели на молебнах в дни славы Королевского дома, в военном госпитале, некоторых общественных организациях и в местном православном соборе. Первым корпусным священником и преподавателем Закона Божия был священник Сергей Троицкий, потом его сменяли отцы Нил Софинский, Фрол Жолткевич, Василий Боцановский, Иоанн Федоров. Борис Молчанов, Георгий Флоровский и Антоний (Бартошевич). Духовником корпуса некоторое время был епископ Вениамин (Федченков)⁸¹.

После того, как 5 сентября 1929 г. Русский кадетский корпус в Сараево был ликвидирован, закрылась и церковь, но уже в 1930 г. в городскую больницу был назначен протоиерей Алексей Федотович Крыжко, который возродил русский приход. В 1932 г. приход снял помещение бывшей мастерской на ул. Деспича, д. 6, где и устроил новую домовую церковь. В это время в Сараево проживало 616 русских, но в приходе состояло около 100 семей. В 1934 г. при храме открылась воскресная школа, в создании которой главную роль сыграло сестричество во главе с Е.Н. Пелипец, регентом прекрасного церковного хора была К.П. Камат, казначеем — А.Н. Богатырев, а церковным старостой — Б.П. Викентьев. В сентябре 1933 г. русский храм посетил сербский патриарх Варнава, а летом 1938 г. — Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский). В связи с убийством в 1934 г. югославского короля Александра I в церкви был устроен киот, увенчанный гербами России, Югославии и вензелем короля⁸².

В г. Великом Бечкереке (Зреняине) богослужения с 1920 г. проводились в одном из помещений кофейни «Кригер», где был устроен переносной алтарь, а с 1922 г. — перед походным алтарем в гимнастическом зале средней школы. До середины 1920-х гг. настоятелем русской общины здесь служил священник Владимир Мельников. В 1929 г. местный муниципалитет по просьбе общины эмигрантов во главе с настоятелем известным церковным писателем и проповедником протоиереем Владимиром Игнатьевичем Востоковым разрешил перестроить под храм подвал Русского дома, размещенного в бывшей турецкой тюрьме Мункач. Здесь, в тюремном каземате, и была устроена русская церковь св. Ар-

⁸¹ *Бегидов А.М.* Военное образование... С. 81; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии в XX веке // Троицкое Наследие. 2010. № 4. С. 27; *Степанов Н.Ю.* Православные основы... С. 51.

⁸² *Полчанинов Р.* Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 5–7.

хангела Михаила, первое богослужение в ней состоялось 7 декабря 1929 г.⁸³ Посетивший ее в 1930-е гг. архиепископ Нестор (Анисимов) писал, что «низкие своды, узенькие решетчатые окна, каменный пол и толстые стены свидетельствуют о недавнем прошлом этого храма, и кажется, что тени замученных здесь исповедников имени Христова постоянно соприсутствуют в этом храме»⁸⁴.

Алтарные иконы для церкви св. Архангела Михаила написал изограф Афанасий Иванович Шелоумов, икону Тайной вечери написал генерал Алексей Шестаков, немало потрудился для украшения храма и Сергей Иванович Шереметинский. Следует упомянуть, что о. В. Востоков, ранее бывший делегатом Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. и членом ВВЦУ за границей, прибыл в Белград в январе 1921 г. и в 1925 г. был назначен митрополитом Антонием (Храповицким) разъездным священником-миссионером по Королевству СХС. В конце 1920-х – 1940 гг. он служил настоятелем русского храма в Великом Бечкереке, а в 1941–1944 гг. — настоятелем церкви в г. Вршаце Банатской епархии (здесь группа семей русских офицеров основала общину св. Иоанна Златоуста). С 1941 г. в церкви св. Архангела Михаила служил протоиерей Владимир Ульянов, ставший позднее священником в Русском корпусе, а затем — священник Александр Терентьевич Мирошниченко⁸⁵.

В г. Земуне (ныне часть Белграда) эмигранты из России в 1920-е гг. получили в свое пользование небольшой сербский храм свв. Архангелов Михаила и Гавриила в городском парке, где служили священники Фрол Жолткевич (в 1932–1937 гг.), Виталий Лепоринский и Михаил Котляревский. В г. Новом Бечее русские эмигранты возобновили богослужения в переданном им в пользование старинной (начала XVI в.) монастырской церкви Успения Божией Матери. В г. Сремски Карловцы русский приход при домовый церкви в митрополичьих покоех в 1932–1936 гг. возглавлял келейник митрополита Антония (Храповицкого) архимандрит Феодосий (в миру Федор Мельник), позднее настоятель Дечанского монастыря. Свой домовый храм имел 2-й Донской имени императора Александра III кадетский корпус, первоначально находившийся в Малой Билече, а позднее — в г. Горажде. Его настоятелем и законоучителем в корпусе в 1920-е – 1930 гг. был выпускник Санкт-Петербургской духовной академии кандидат богословия иеромонах Иоасаф (в миру Иван Васильевич Скородумов),

⁸³ Неклюдов В., прот. Церковная жизнь... С. 12; Йованович М. Русская эмиграция. С. 279.

⁸⁴ Нестор (Анисимов), архиеп. Очерки Югославии (Впечатления путешественника). Харбин, 1935. С. 58.

⁸⁵ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии в XX веке. С. 26.

будущий архиепископ Аргентинский и Парагвайский. Он оставил о себе очень добрую память, заменив многим учащимся отца⁸⁶.

В г. Нови Саде сербский епископ Ириней в феврале 1922 г. передал русским беженцам свою крестовую церковь св. Василия Великого, в которой до 1925 г. служил протоиерей Феодор Синькевич, а в 1925–1934 гг. — священник Нил Малахов. В этом городе существовало русское приходское Благовещенское братство, и в 1935 г. было запланировано строительство каменной русской церкви, посвященной двум убитым государям — российскому Николаю II и югославскому Александру I, но начало II Мировой войны помешало осуществлению этих планов⁸⁷.

В г. Панчево эмигранты устроили храм при Русской больнице Красного Креста, в 1922–1925 гг. там служил настоятелем протоиерей Владимир Восток, а затем священник Петр Голубятников и архимандрит Макарий (Матвеев). В г. Новый Бечей в 1920–1933 г. действовал домовый храм при Харьковском девичьем институте, строителем и настоятелем которого был протоиерей Фрол Жолткевич, также преподававший Закон Божий. Затем законоучителем в Харьковском институте служил епископ Челябинский и Троицкий Гавриил (в миру Григорий Маркелович Чепур, 1874–1933). Он также преподавал Закон Божий в Первой русско-сербской девичьей гимназии в г. Великая Кикинда, где существовала своя церковь (здесь служил духовный писатель священник Василий Шустин). Владыка Гавриил являлся известным духовно-музыкальным деятелем, церковным композитором и ученым литургистом, состоял членом Архиерейского Синода РПЦЗ и 13 мая 1930 г. был возведен в сан архиепископа. Проживая в монастыре Гргетег, он нередко приезжал в Белград, где читал лекции для членов братства прп. Серафима Саровского. Скончался владыка Гавриил после тяжелой болезни 14 марта 1933 г. в русском госпитале в Панчево⁸⁸.

Кроме упомянутых, были образованы русские церковные общины в Загребе, Суботице, Сомборе, Осиеке, Вршаце, Заечаре, Битоле и некоторых других городах. В местах, где действовали трудовые отряды бывших военнослужащих Белой армии, существовали переносные церкви. В тех же русских колониях, где

⁸⁶ Там же. С. 81, 259; *Степанов Н.Ю.* Православные основы... С. 54.

⁸⁷ *Арсеньев А.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 // Православная Русь. 1998. № 17. С. 6.

⁸⁸ *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008. С. 97–98; *Ледковская М.* Архиепископ Гавриил (Чепур) — выдающийся литургист и церковный композитор // Русский пастырь. Сан-Франциско. 2003. № 42. С. 22–32.

не имелось храмов, в дни церковных праздников эмигранты приглашали священников из других городов (таким образом, появилась особая категория разъездных священников). Там же, где не было и этой возможности, организовывались русские духовные хоры, певшие за богослужением в сербских церквях⁸⁹.

В тоже время положение Русской Православной Церкви в Югославии было не легким; государственные органы, вероятно, не желая политических осложнений, так и не признали ее официальный статус. В результате она, в отличие от признанных властями религиозных организаций, не могла получать довольно значительную ежегодную помощь из бюджетов Министерства юстиции и Министерства просвещения на содержание администрации и духовных учебных заведений. Не обладала Русская Церковь и правом на сбор и обложение своих прихожан налогами и таксами, что обычно составляло основной источник поступления в церковную казну. Решения русского церковного суда по брачным делам не были подкреплены соответствующей законодательной базой и поэтому зависели от усмотрения государственных чиновников. Кроме того, русские священники, как уже говорилось, могли венчать и разводить только беженцев, не принявших югославского гражданства⁹⁰. Некоторые сербские иерархи считали, что русским эмигрантам вообще незачем иметь свою церковную организацию: «Живущие в Сербии должны влиться в сербские приходы, <...> а архиереи пускай живут на покое в монастырях»⁹¹.

Церковная жизнь русской эмиграции также осложнялась болезненными расколами. В июне 1926 г. на Архиерейском соборе в Сремских Карловцах, на котором присутствовали 11 и письменно выразили свое мнение еще 12 архиереев (согласно соборному отчету, в общей сложности 27), произошел разрыв управляющего Западно-Европейской митрополией владыки Евлогия (Георгиевского) и главы Северо-Американской епархии митрополита Платона (Рождественского) с Архиерейским Синодом. Суть конфликта в основном состояла в стремлении этих обширных епархий к большей автономии и их нежелании следовать монархическому политическому курсу большинства архиереев Зарубежной Русской Церкви, возглавляемых митрополитом Антонием (Храповицким).

На заседании 26 июня собор признал Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) в качестве временного главы Русской

⁸⁹Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). С. 63, 69–70; Неклюдов В., прот. Церковная жизнь... С. 12–13.

⁹⁰Косик В.И. Русская Церковь в Югославии 1921–1939 годы // Славяноведение. 1996. № 6. С. 74–75.

⁹¹Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание... Т. 5. С. 95.

Церкви. 30 июня архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) сделал доклад об обществе христианской молодежи ИМКА, в котором доказывал его связь с ма- сонством, а также контакты Парижского богословского института св. Сергия с этим обществом. В том же докладе владыка провел критический разбор эку- менических взглядов преподавателей института: профессоров о. Сергия Бул- гакова, А. Карташова, Н. Бердяева и В. Зеньковского, что вызвало негативную реакцию митрополита Евлогия. Последующая постановка вопроса о выделении Германии в отдельную епархию из состава Западно-Европейской митрополии усилила конфликт. Митрополит Евлогий понимал, что при обсуждении таких вопросов, как устройство Богословского института, отношение к участию об- щества ИМКА в организации и ведении работы Русского христианского сту- денческого движения, его деятельность не могла быть одобрена, и собор мог прийти к идее осуществления контроля над управлением Западно-Европейской митрополией. Владыка хотел до обсуждения этих вопросов иметь официальное признание за ним автономных прав. Встретив несогласие, митрополит Евлогий покинул соборные совещания, и в дальнейшем полностью отделился от Архи- ерейского Синода вместе с большей частью своих викариев и приходов.

После ухода владыки Евлогия собор предложил ему и его викариям по- дать в Синод заявление, что они признают за Синодом не только моральную, но и каноническую власть. До получения такого заявления было решено не считать митрополита членом Синода, а в случае отказа владыка Евлогий подлежал от- странению от должности. Кроме того, от митрополита потребовали дать пись- менное объяснение по ряду фактов, однако автономия Западно-Европейской митрополии отменена не была⁹². Сербский патриарх Димитрий занял в этом конфликте сторону Архиерейского Синода, заявив, что «Евлогий разорвал Рус- скую Церковь»⁹³.

На этом же Архиерейском соборе митрополит Платон (Рождественский) доложил, что он не поддерживает стремления его епархии к автокефалии, и Детройтский собор 1924 г. был допущен им, «чтобы дать выход настроениям сторонников автокефалии». Поэтому митрополит просил Архиерейский собор дать ему специальную грамоту на управление Северо-Американской епархией и для ведения судебных процессов против «живоцерковников» по поводу цер- ковного имущества. Когда же Синод ему такой грамоты не дал, усмотрев в этом намерение митрополита быть независимым, владыка Платон также demonstra-

⁹² Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 109–110.

⁹³ Там же. С. 158.

тивно покинул заседание. Уйдя с собора, он вообще порвал с РПЦЗ и увел с собой почти всех американских vikариев, Только епископ Апполинарий (Кожевой) и с ним около 60 приходов остались верны Архиерейскому Синоду⁹⁴.

26 января 1927 г. Архиерейский Синод в Сремских Карловцах постановил предать митрополита Евлогия суду епископов и временно запретил его в священнослужении. 1 февраля владыка Евлогий ответил Синоду, что он прерывает с ним официальные отношения, а 4 февраля в «Обращении к духовенству и прихожанам» оповестил свою епархию, что в дальнейшем Западно-Европейская митрополия будет управляться независимо⁹⁵.

8 сентября 1927 г. Архиерейский собор подтвердил решения Синода о запрещении митрополита Евлогия в священнослужении, с дополнительным пояснением, что «богослужения его безблагодатны, таинства, им совершаемые, не таинства, а совершаемые им хиротонии неканоничны». Еще 16 июля 1927 г. в священнослужении были запрещены vikарии Западно-Европейской митрополии: архиепископ Владимир (Тихоницкий) и епископ Сергей (Королев). Естественно, что митрополит Евлогий не признал этот акт⁹⁶. 19 сентября Архиерейский собор выпустил послание о запрещении в священнослужении митрополита Северо-Американского Платона и ушедшего с ним из состава РПЦЗ духовенства.

Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) первоначально занимал в этом конфликте нейтральную позицию. 12 сентября 1926 г. в своем письме к заграничным иерархам — архиепископу Феофану (Быстрову) и епископу Серафиму (Соболеву), просившим его стать судьей в споре между Архиерейским Синодом и митрополитом Евлогием, он писал: «Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешить все недоразумения и разногласия, <...> не прибегая к нашей поддержке, <...> или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать по-видимому, нельзя, то <...> подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии — сербскому патриарху, и работать на пользу той части Православной Церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные

⁹⁴Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 559–561; Троицкий С.В. История... С. 31–34; ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 71–71об.

⁹⁵Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 561–564; Троицкий С.В. История... С. 33–34, 39–40.

⁹⁶Китеж. 1927. № 8-12. С. 56.

общины или церкви, членами которых могут быть и не русские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старания удержать власть и подчинить искусственно созданному центру»⁹⁷.

Эту позицию поддержал Временный Священный Синод при митрополите Сергии, который в послании апреля 1927 г. указал, что управление граничными епархиями «из Москвы в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними», и церковное руководство в Москве не в состоянии судить зарубежных иерархов уже только потому, что каноны не допускают церковного суда за политические преступления. Таким образом, владыка Сергий в это время был сторонником автономии Зарубежной Русской Церкви «до возобновления правильных и беспрепятственных сношений»⁹⁸.

Однако уже вскоре подобная позиция (под давлением органов советской власти) претерпела существенное ужесточение в отношении РПЦЗ. 14 июля 1927 г. Заместитель патриаршего местоблюстителя и Временный Священный Синод отправили митрополиту Евлогию указ и сопроводительное письмо, в которых оспаривалось право Архиерейского Синода в Сремских Карловцах представлять Зарубежную Русскую Православную Церковь. Кроме того, указ содержал требование к русским священнослужителям-эмигрантам дать письменное обязательство не допускать в своей деятельности нелояльности по отношению к советскому правительству. Не подчинившихся следовало считать исключенными из состава клира Московской Патриархии⁹⁹. 29 июля митрополит Сергий и Временный Священный Синод издали широко известное послание о лояльности советской власти (Декларацию 1927 г.).

Вскоре последовала резкая реакция Архиерейского Собора, который 9 сентября 1927 г. в окружном послании определил: «1) Граничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью в виду невозможности нормальных сношений с нею и в виду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью. 2) Чтобы освободить нашу иерархию в России от ответственности за непризнание советской власти граничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, за-

⁹⁷Вестник русского христианского движения. Париж. 1974. № 111. С. 147.

⁹⁸Троицкий С.В. Митрополит Сергий и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937. С. 4, 10.

⁹⁹Церковные ведомости. Белград. 1927. № 3. С. 4–5; Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1927. №. 3. С. 1–2.

границная часть нашей Церкви должна управляться сама согласно священным канонам, определениям Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917–18 гг. и постановлению Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 года, при помощи Архиерейского Синода и Собора Епископов, под председательством Киевского митрополита Антония. 3) Заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно-единою ветвью великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальною. Она по прежнему считает своею главой патриаршего местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями. 4) Если последует постановление митрополита Сергия и его Синода об исключении заграничных епископов и клириков, не пожелавших дать подписку о верности советскому правительству, из состава клира Московского патриархата, то такое постановление будет неканоничным. 5) Решительно отвергнуть предложение митрополита Сергия и его Синода дать подписку о верности советскому правительству, как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви, как в России, так и за границей». Духовенство, которое выразит свою лояльность советской власти, запрещалось в священнослужении впредь до покаяния¹⁰⁰.

В новом постановлении от 9 мая 1928 г., посланном 8 июня в форме указа владыке Евлогию, митрополит Сергей и Синод при нем извещали, что митрополит Евлогий со свои vicarями и духовенством, давшим подписки о лояльности советской власти, признаются состоящими в юрисдикции Московской Патриархии, а Карловацкое Управление считается упраздненным в силу постановления патриарха Тихона, и все акты этого Управления отменяются. В числе прочего отменялись постановления Карловацкого центра, связанные с управлением церквями за рубежом, учреждением новых епархий, назначением новых архиереев, и прещения, наложенные на митрополита Евлогия и его клириков¹⁰¹.

Обсудив этот указ, Архиерейский Синод 5 июля 1928 г. подтвердил определение Архиерейского собора 1927 г. об административном отделении от митрополита Сергия и о невозможности для Зарубежной Церкви выполнения исходящих от него распоряжений церковно-административного характера: «В лице митрополита Сергия советская власть ведет борьбу против Православной Заграничной Церкви, желая разрушением церковных органов дезорганизовать За-

¹⁰⁰ *Митрофанов Г., прот.* Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 141–142; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1970. С. 199–200.

¹⁰¹ *Троицкий С.В.* История самочинной карловацкой организации. С. 48–49; Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 12. С. 2.

рубежную Церковь, подобно тому, как это ей удалось в советской России, и тем лишить эмиграцию духовного руководства»¹⁰².

Так окончательно образовалась фактически самостоятельная Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), хотя она никогда не претендовала на автокефалию и всегда считала себя частью общей Русской Церкви. В начале 1930-х гг. в юрисдикции РПЦЗ, кроме русских общин на Балканах, находились: Западно-Европейская епархия во главе с архиепископом Серафимом (Лукьяновым) в Париже, Германская епархия во главе с епископом Тихоном (Лященко) в Берлине, Северо-Американская епархия во главе с архиепископом Аполлинарием, Харбинская епархия во главе с архиепископом Мелетием (Заборовским), Иерусалимская духовная миссия, возглавляемая архиепископом Анастасием (Заборовским) и Китайская духовная миссия, которой руководил архиепископ Симон (Виноградов).

В 1929 – начале 1930-х гг. председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) наибольшее внимание уделял положению Русской Православной Церкви на территории СССР. Весной 1929 г. в Советской России началась новая волна ожесточенных антицерковных гонений, в ноябре того же года Красная Армия на несколько недель вторглась в пределы Китая в Трехречье, населенного русскими беженцами из Сибири, которые подверглись безжалостному уничтожению. На эти события митрополит Антоний отозвался страстным обращением к народам всего мира, посланным главам значительной части правительств, православных, инославных, иноверческих Церквей и редакциям важнейших газет: «Душу раздирающие сведения идут с Дальнего Востока. Красные отряды вторглись в пределы Китая и всей своей жестокостью обрушились на русских беженцев. <...> Вот уже 12 лет насильники в Москве раздирают русские души, уничтожают тысячелетнюю культуру, развращают народ, разрушают храмы, оскверняют и уничтожают древнейшие святыни, подвергают гонению духовенство и верующих, морят и гноят в тюрьмах множество невинных людей. <...> Мне, бессильному чем-либо помочь своему народу, остается вопить и взывать, как многократно делал я. И ныне взываю и вопию к Вам в унисон с предсмертными стонами и криками моего народа»¹⁰³.

В том же году владыка написал труд «Мольба ко всем Православным Церквам» и обратился с особым посланием к архиепископу Кентерберийско-

¹⁰² Церковные ведомости. 1929. № 3-12. С. 4-5.

¹⁰³ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 106-108.

му, умоляя его, как брата во Христе, выступить на защиту угнетаемого большевиками русского народа. Копии письма митрополита были разосланы всем 72 епископам Англиканской Церкви, членам Палаты лордов и Палаты общин. В результате архиепископ Кентерберийский, несколько лордов и ряд представителей англиканского духовенства выступили против гонений на веру и Церковь в СССР. 31 декабря 1929 г. Архиерейский Синод РПЦЗ постановил выразить благодарность архиепископу и устроить в день поминовения убитого митрополита Киевского Владимира и всех умученных за время смуты в России (27 января ст. ст.) в Белграде торжественное собрание в память жертв большевистского террора с ознакомлением публики о них¹⁰⁴.

Когда на Запад проникли слухи о намерении советских властей снести Успенский собор Московского Кремля, митрополит Антоний написал еще одно послание народам всего мира, призывая их остановить дерзкую руку боготорцев. В ответ на призывы владыки протестное движение распространилось на многие страны, соответствующие митинги прошли во Франции, Швейцарии, Германии, Сербии и Болгарии. В начале 1930 г. сербский патриарх Димитрий, председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Климент и митрополит Варшавский и всея Польши Дионисий обратились к владыке Антонию с выражением сочувствия и сообщением об установлении молений о гонимых и страждущих за веру в Советской России. 11 апреля Архиерейский Синод уполномочил управляющего Синодальной канцелярией Е.И. Махараблидзе быть его представителем на съезде русской секции Международной антикоммунистической лиги в Праге для обсуждения вопроса защиты религиозной свободы в России. В письме от 29 апреля владыка Антоний даже просил руководство лиги провести ее съезд в Югославии, где в нем могли бы участвовать православные общины, но съезд все же состоялся во Франции¹⁰⁵.

Протестное движение набирало силу, 2 февраля 1930 г. вышло послание Папы Римского Пия с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь. В результате международного давления антирелигиозные акции весной 1930 г. более чем на год существенно ослабели, советское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки.

Понимая, что опасность для Церкви не исчезнет, пока не будет уничтожена советская власть, митрополит Антоний в конце 1929 г. обратился к русским людям с призывом к вооруженной борьбе против большевиков: «...от имени

¹⁰⁴ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103.

¹⁰⁵Там же. Д. 105, 107.

Христову молим вас, отцы, братья и сестры во Христе, подняться с того далекого края нашего отечества по сию и даже по ту сторону Китайской границы, восстать против врагов нашей родины, против злых безбожников <...> Видит Бог, как бы я рад был последние годы или даже месяцы своей уже 66-летней жизни провести с вами и умереть не беженцем, а впереди мужественного ополчения против тех безбожников».

В начале 1930 г. Владыка еще раз написал воззвание с призывом к православным людям в СССР и в зарубежье поднять благословенное оружие против большевиков: «Итак, русские люди, я вновь призываю вас на борьбу с врагами Христовыми — большевиками и прочими богоборцами, готовый первый умереть в такой борьбе, как умер мужественный генерал Кутепов. Может быть, немного времени осталось до такого события в моей жизни <...> Нет мира между Христом и сатаню. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело. Первее же всего благословляю оружие и боевую работу всенародного братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет усердную работу против красного сатаны во имя Бога и России»¹⁰⁶.

В это время митрополит Антоний надеялся на скорое падение советской власти. Так, в письме архимандриту Иоасафу (Скородумову) от 14 марта 1930 г. он сообщал: «А у нас распространяются слухи, будто Сталин не то убит, не то тяжело ранен. Отовсюду пошли речи, что большевикам пришел конец, а что будет дальше один Бог ведает». В другом письме — иеросхимонаху Феодосию на Афон от 15 марта 1930 г. Владыка также отмечал: «...яснее видится заря скорого освобождения св. Церкви и прекращения разбойного разорения св. обителей... Возможно, что св. Русь и все мы теперь наконец-то освободимся, а возможно, что начнется кровавая борьба, более жестокая, чем все, что пережил наш народ».

Однако вскоре отдельные крестьянские восстания, вызванные насильственной коллективизацией, были подавлены и положение в СССР стабилизировалось. Видя, что все остается без перемен, и его усилия по освобождению русского народа остаются безрезультатными, митрополит глубоко горевал, и его чувства горечи и разочарования нашли отражение в послании, названном «Сто первое и предпоследнее воззвание»: «Тяжело предпринимать какое-либо дело,

¹⁰⁶Царский вестник. 1930. № 92. С. 1.

малое и великое, безо всякой почти надежды на его успех. Тяжело увещевать людей или народы без надежды на то, что твоего увещания послушаются»¹⁰⁷. В дальнейшем владыка уже не предпринимал активного участия в борьбе за свержение советской власти.

Но он по-прежнему считал важной задачей заботу о гонимой части Русской Церкви в СССР, как о своей духовной пастве. В мае 1932 г. митрополит и возглавляемый им Синод горячо поддержали организованную настоятелем Женева-ского прихода протопресвитером Сергием Орловым при содействии Международной антикоммунистической лиги отправку в Россию икон и выдержек из Св. Писания. Первоначально православные иконы печатались в католическом монастыре, причем на них, по просьбе митр. Антония, высказанной в разговоре с генеральным секретарем лиги А.И. Лодыжинским, не указывалось место издания. В дальнейшем этому начинанию оказал помощь сербский патриарх Варнава, открывший типографию для печатания икон.

16 июля 1932 г. Архиерейский Синод назначил ежегодный сбор по всем храмам русского зарубежья в Неделю Православия для снабжения населения России иконами и духовной литературы с тем, чтобы в этот день повсеместно после литургии возносились бы моления о гонимых за веру Христову в России, а сборы направлялись о. Сергию Орлову¹⁰⁸.

Следует отметить, что владыка Антоний благожелательно относился к бежавшим из СССР православным священнослужителям. Так на рапорт настоятеля Никольской церкви Тегерана архимандрита Виталия от 21 июня 1930 г. о прибытии в Иран иерея Михаила Польского митрополит ответил не только разрешением священнослужения о. Михаила, но и указанием о публикации в журнале «Церковные ведомости» сведений о пребывании этого священника в Советской России. На другом рапорте архимандрита Виталия от 22 июня 1930 г. о прибытии в Иран иерея Ионы Корецкого Владыка Антоний поставил резолюцию: «Вам разрешаю допустить о. Иону до священнослужения, но затем сообщите документально, какое впечатление производит на Вас сам о. Корецкий, т.е. искреннего ли человека, не с задней ли мыслью»¹⁰⁹.

Покинувшее СССР обновленческое духовенство, как правило, отвергалось. В частности, митрополит Антоний резко негативно отнесся к факту признания митрополитом Евлогием в качестве епископа бежавшего в Иран с семьей

¹⁰⁷ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 108–112.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 122. Л. 2. Д. 123. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Д. 108. Л. 1–2.

обновленческого митрополита Владивостокского Василия (Смелова). Правда владыка Антоний сделал исключение для хорошо знакомого ему до революции по Воьлини епископа Ахтырского Серафима (Ляде), который был в 1924 г. с принятием монашеского пострига хиротонисан уклонившимися в обновленческий раскол архиереями автокефальной Украинской Церкви. Выехавший в 1930 г. из СССР в Германию владыка Серафим после принесения покаяния был принят в церковное общение с титулом епископа Тегельского без архиерейских полномочий. Архиерейским Синод официально руководствовался тем, что хиротония была совершена митрополитом Пименом (Пеговым) до объявления им автокефалии¹¹⁰. 26 августа владыка Серафим написал митрополиту Антонию письмо с выражением благодарности за принятие его в состав епископата, принятое к сведению Архиерейским Синодом¹¹¹. Правда, в дальнейшем это решение вызвало негативное отношение ряда священнослужителей РПЦЗ.

К действиям заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) владыка Антоний, хотя и относился негативно, но при этом сохранял некоторые добрые чувства к своему бывшему ученику и другу. В ответ на интервью митрополита Сергия в феврале 1930 г. иностранным журналистам с отрицанием факта гонений на Церковь в СССР в русской эмиграции поднялось сильнейшее возмущение. Владыка Антоний о своих чувствах в письме архимандриту Иоасафу (Скородумову) написал так: «Митр. Сергей оскандалился: ему в церкви народ кричал: «изменник, Иуда» и выгнал его, сорвав облачение. <...> А митр. Сергия все-таки мне жаль: у него нет силы воли, а голова светлая и сердце доброе»¹¹².

Ситуация несколько изменилась весной 1933 г. 23 марта этого года митрополит Сергий под давлением советских властей обратился с посланием к сербскому патриарху Варнаве с просьбой передать Архиерейскому Синоду РПЦЗ увещание зарубежным архиереям о необходимости дать подписку о лояльности советской власти и предупредить их, что если они не примирятся с Московской Патриархией к 9 мая, то о каждом архипастыре карловацкой группы будет вынесено постановление о запрещении им священнослужения впредь до суда¹¹³.

Необходимо отметить, что Сербская Православная Церковь, прежде всего, окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию патриарх Варнава, делала попытки смягчить раскол в Русской Церкви, стараясь занимать в раз-

¹¹⁰ Церковные ведомости. 1930. № 15–16. С. 4.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

¹¹² Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 221.

¹¹³ См.: ЖМП. 1933. № 16–17.

горавшихся конфликтах нейтральную позицию. При этом сербский патриарх неоднократно пытался примирить РПЦЗ с отколовшимися от нее архиереями, а также быть посредником между ней и митрополитом Сергием (Страгородским), которого уважал, как своего учителя — ректора академии.

Еще 9/22 июля 1930 г. патриарх Варнава обратился во время службы в русской Свято-Троицкой церкви Белграда со словом к Русскому зарубежью, в котором сказал: «Знайте, что изуверы, гонящие Церковь, не только ее мучают, но стараются ее расколоть, разединить и всячески простирают свои преступные руки к вам, находящимся за пределами вашего отечества. Вы, верные сыны России, должны помнить, что вы являетесь единственной опорой великого Русского народа. <...> Посеянные врагами вашей Родины церковные раздоры, должны, во что бы то ни стало прекратиться. Среди вас находится великий иерарх митрополит Антоний, который является украшением Вселенской Православной Церкви. Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства. В нем и заключается церковная правда и те, кто отделился, должны вернуться к нему. Вы все, не только живущие в нашей Югославии, но и находящиеся в Америке, в Азии, во всех странах мира, должны составить во главе с вашим великим архипастырем митрополитом Антонием, единое несокрушимое целое, не поддающееся нападкам и провокациям врагов Церкви. Я, как Сербский патриарх, ныне ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы Он соединил русских людей, находящихся за границей, в единое целое, чтобы возстала Россия такую, какую она была во главе с православным самодержавным царем, и от имени Господа Иисуса Христа и всех Его святых благословляю вас благословением патриаршим»¹¹⁴.

Получив послание митрополита Сергия от 23 марта 1933 г., патриарх Варнава в довольно теплом письме от 1 мая того же года согласился оказать содействие в деле примирения и передать русским иерархам в Югославии требование московских церковных властей выразить лояльность по отношению к советскому правительству и ликвидировать Архиерейский Синод и собор. 19 мая 1933 г., заслушав этот вопрос, Архиерейский собор Сербской Церкви постановил просить патриарха Варнаву, «чтобы в будущем в братской любви постарался, если возможно, примирить враждующие стороны на пользу как братской нам Русской, так и всей Православной Церкви»¹¹⁵.

¹¹⁴ *Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, свт.* Краткая история РПЦЗ // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 2010. № 4–5. С. 7.

¹¹⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 59–60; ЖМП. 1933. № 13–14. С. 1–4.

В тот же день, 19 мая, митрополит Антоний (Храповицкий) ответил на послание личным письмом владыке Сергию, закончив его следующими словами: «Умоляю Вас, как б. ученика и друга своего — освободитесь от этого соблазна, отрекитесь во всеуслышание от той лжи, которую вложили в ваши уста Тучков и др. враги Церкви, не остановитесь перед вероятными мучениями, <...> а если останетесь на том пространным пути, ведущем в погибель (Мф 7:13), на котором стоите ныне, то он бесславно приведет Вас на дно ада и Церковь до конца своего земного существования не забудет Вашего предательства. <...> Не отвергайте же дружеского призыва сердечно любившего Вас и продолжающего любить». Ответа на это письмо не последовало. Архиерейский Синод РПЦЗ, заслушав 7 июня письма митрополитов Сергия и Антония, постановил доложить их ближайшему Архиерейскому собору¹¹⁶.

Стремясь сохранить хорошие отношения и с Московской Патриархией, и с Архиерейским Синодом, патриарх Варнава 18 июля обратился к митрополиту Антонию с письмом, в котором отмечал: «Нашему сердцу близки и дороги русские заграничные архиереи, как наши братья по вере и крови, как святители той Церкви, которой наш народ и наша Церковь так много обязаны и, наконец, как изгнанники из родной страны, обреченные на все тяжелые переживания и бедствия, вызываемые лишением отечества. <...> Чувства благодарности к Русской Церкви, которые побуждают нас с любовью относиться к русским заграничным Архиереям, побудили нас с особым вниманием отнестись и к посланию временно возглавляющего целую Русскую Церковь высокопреосвященного Сергия, нашего духовного отца по монашеству, несущего сейчас бремя управления Русской Церковью. <...> Вместе с тем мы не находили и не находим возможным прерывать каноническое общение с законным предстоятелем великой Русской Церкви только из-за такого или иного отношения его к местной гражданской власти»¹¹⁷.

Состоявшийся вскоре, 21 июля, Архиерейский собор, не отрицая, в принципе, возможности примирения, полагал, что митрополиту Сергию следует объявить все зарубежное духовенство вне ведения Московской Патриархии. Собор также выпустил обширное окружное послание, обращенное к православной русской пастве по поводу письма заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия от 23 марта 1933 г.: «Ни в Слове Божиим, ни в про-

¹¹⁶ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 132. Л. 1; Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 112–113, 221, 258–262.

¹¹⁷Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 346.

шлой истории Церкви мы не можем найти основания для того, чтобы почитать советскую власть законною и повиноваться ей «за совесть». <...> Надо поистине пожалеть об ослеплении митрополита Сергия, который, по-видимому, так уверовал в непоколебимость советской власти и потому хотел бы, чтобы все бросали фимиам на алтарь большевизма...»¹¹⁸. В тот же день послание было передано сербскому патриарху.

Отправив этот ответ в Москву, патриарх Варнава в письме от 6 января 1934 г. высказался в поддержку предложения о временном переходе Архиерейского Синода на автономных началах под юрисдикцию Сербской Православной Церкви (выдвинутого ранее самим митрополитом Сергием). При этом патриарх допускал, что в эмиграции могут параллельно существовать приходы Московской Патриархии и Зарубежной Русской Церкви. Действия Сербского Первосвященителя в тот период были направлены на защиту Архиерейского Синода и сохранение мира с Московской Патриархией, предложение подходящих условий единства, которые устраивали бы обе стороны. Однако теперь Московская Патриархия подобное предложение отвергла, в ответном письме от 7 февраля митрополит Сергей сообщил, что оно представляется неприемлемым. 20 апреля 1934 г. патриарх Варнава сообщил архиереям РПЦЗ о письме владыки Сергия, и 7 мая получил ответ от имени Архиерейского Синода с отказом выполнять требования заместителя местоблюстителя о покаянии в расколе и передаче всего русского церковного имущества за границей Московской Патриархии. 25 мая патриарх Варнава направил в Москву новое послание, которое стало последним в этой переписке. В нем первосвященитель отказывался от посредничества, вновь отметив, что переход Зарубежной Русской Церкви под омофор Сербского Патриарха решил бы множество проблем. На данное письмо митрополит Сергей не ответил¹¹⁹.

Вскоре, 22 июня 1934 г., заместитель патриаршего местоблюстителя с состоящим при нем Синодом вынесли постановление о запрещении восьми архиереев «Карловацкой группы» (в том числе митрополита Антония) в священнослужении¹²⁰. Указ был разослан всем главам Поместных Православных Церквей, впрочем, он не имел реальных последствий, Сербская Патриархия не счи-

¹¹⁸Русская православная церковь за границей. 1918–1968 / Под ред. А.А. Соллогуба. Т. 1. Нью-Йорк, 1968. С. 208–255.

¹¹⁹Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 356–364; Троицкий С.В. История самоchinной карловацкой организации. С. 66.

¹²⁰Церковная жизнь. Белград. 1934. № 9–10. С. 144–145; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. С. 199; Троицкий С.В. История... С. 64–67.

талась с запрещением в священнослужении проживавших в ее границах русских архиереев. Вопрос о наложенных прещениях обсуждался на Архиерейском соборе РПЦЗ, состоявшимся 19–31 августа 1934 г., который не признал их каноническими по целому ряду причин¹²¹.

Относительно будущего политического устройства освобожденной от власти большевиков России митрополит Антоний (Храповицкий) высказывал свои, отличавшиеся некоторыми особенностями, взгляды. Он мечтал об объединении православных монархов Восточной Европы под водительством русского самодержца, своего рода восстановлении в новом качестве Византийской империи. Особенно тепло владыка относился к воспитанному при русском дворе югославскому королю Александру I Карагеоргиевичу, не признававшему советского правительства.

В 1931 г., к десятилетию правления Александра I, митрополит Антоний обратился к нему с письмом: «Неустанно вознося Господу Богу моления об избавлении России от преступной безбожной коммунистической власти, мы с восторгом и благодарными чувствами взираем на Ваше Величество, как высокоблагородного Рыцаря Короля, отвергнувшего Свое лицо от этой вражеской власти, разрушившей Царский Престол и уничтожившей Россию — мать Славянства. И это в то время, когда власти других держав, союзных России, заискивают перед этими преступниками, воссевшими в Москве».

Король неоднократно посещал богослужения митрополита Антония, а в 1932 г. пожертвовал 40 тыс. динар на устройство иконостаса в русской Иверской церкви Белграда. В кругах иерархов РПЦЗ одно время говорили о желании Владыки Антония выдвинуть Александра I претендентом на российский престол. После убийства короля террористом-хорватом 9 октября 1934 г. в Марселе митрополит указал архиереям и управляющим церквями сделать распоряжение, чтобы во всех подведомственных им храмах была отслужена заупокойная литургия о почившем.

Вскоре после гибели короля в церкви русской больницы югославского г. Панчево была написана икона, на которой рядом с императором Николаем II изобразили св. Александра Невского и апостола Андрея Первозванного, она должна была напоминать об обоих убитых государях. В китайском г. Харбине русские эмигранты в 1935 г. даже построили часовню, посвященную «короно-

¹²¹ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–6об; *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописания... Т. 7. С. 362–365.

ванным мученикам» — Николаю II и Александру I, в которой были установлены их бюсты¹²².

Владыка Антоний неоднократно говорил о необходимости замены слова панславизм термином панортодоксизм. Мечтая об объединении всех православных христиан в одно церковно-политическое целое, митрополит рассматривал в качестве первого шага в этом направлении бракосочетания короля Александра I с румынской принцессой Марией и сербского принца Павла с греческой принцессой Ольгой. В 1935 г. митрополит Антоний написал статью, посвященную возвращению на греческий престол после 12-летнего отсутствия в стране короля Георга II: «Теперь же с возвращением на прадедовский престол православного греческого монарха сделан второй и третий шаг к возвращению славного прошлого и великого будущего Православной империи»¹²³.

Постоянным объектом обличения со стороны архиереев РПЦЗ было масонство, в котором они видели страшную и разрушительную силу. Так, например, в окружном послании Архиерейского собора в Сремских Карловцах от 28 августа 1932 г. пастве сообщалось о следующих определениях Собора: «1. Осудить масонство, как учение и организацию, враждебную христианству и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности. 2. Осудить также все сродные с масонством учения и организации: теософию, антропософию, «Христианское знание» и ИМКА. 3. Поручить епархиальным преосвященным и начальникам миссий преподавать подведомому им духовенству указания, необходимые для борьбы с указанными вредными учениями и организациями, и для предупреждения православной русской паствы от увлечения ими или от участия в их вредной деятельности...»¹²⁴.

Отношения архиереев РПЦЗ с различными оказавшимися в эмиграции представителями дома Романовых были довольно сложными. Так, 1 января 1925 г. великий князь Андрей Владимирович с возмущением писал о высказываниях митр. Антония (Храповицкого) графу Павлу Михайловичу Граббе: «Его доводы в греховности, в особенности императоров Александра III и Николая II до того чудовищны, что из простого уважения к его сану должен воздержаться их приводить в этом письме целиком... Но в этих странных, по меньшей мере мыслях митр. Антония сквозит старый дух критики светской власти, тот дух,

¹²²А.И. 74-203-290.

¹²³*Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание...* Т. 5. С. 83, 87, 89; *Григорьевич Б.* Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 115.

¹²⁴*Никольский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 173–180.

который способствовал и революции». В ответном письме П.М. Граббе был вынужден заступиться за владыку: «...позволю себе вернуться к личности митр. Антония... Если в письмах его заключается критика покойных императоров, то это отнюдь не является проявлением революционности, всегда чуждой митрополиту... Его всегда считали самым «реакционным» из всех иерархов и оплотом верности самодержавию»¹²⁵.

Упреки в негативной оценке императора Николая II были не вполне справедливы. 2 февраля 1933 г. при поддержке владыки Антония Архиерейский Синод поддержал издание специальным комитетом в составе Общества распространения русской национальной и патриотической литературы апологетической истории царствования государя.

В 1920-е гг. митрополит Антоний являлся сторонником выборности будущего российского монарха, и скорее поддерживал великого князя Николая Николаевича в его конфликте с провозгласившим себя императором великим князем Кириллом Владимировичем. Как уже говорилось, Архиерейский Синод первоначально не признал этот акт, считал Кирилла Владимировича великим князем, но по свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова), «защитникам его императорства не запрещалось служить молебны о нем, как об императоре»¹²⁶.

Лишь после смерти Николая Николаевича ситуация изменилась. В июле 1929 г. митрополит Антоний несколько дней провел на вилле Кирилла Владимировича в Сен-Бриаке (Франция). 13 сентября 1929 г. в «Воззвании к православному русским людям» Владыка напомнил «о принятии Государем Императорской власти» в 1924 г. и заявил, что те, кто не примыкает «к обоим бунтам 1917 г.», должны признать власть законного наследника. Свое промедление с признанием нового императора митрополит объяснил ожиданием, «как заявит себя в этом смысле признанный нами ранее верховный вождь русского народа и русского воинства великий князь Николай Николаевич. Однако и он, и государыня Мария Феодоровна, и полководец Врангель — все скончались в продолжение одного года». «Итак, отцы и братие, умоляю вас, отрекитесь окончательно от треклятой революции против Бога и Царя и передайтесь во имя Отца и Сына и Святаго Духа законному царю нашему Кириллу Владимировичу и законному наследнику его Владимиру Кирилловичу»¹²⁷.

¹²⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 3. Д. 450. Л. 154, 165–166.

¹²⁶ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 348.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 379. Л. 34–35; Царский вестник. 1929. 27 октября; Граф Г.К. На службе императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 557.

В расколовшем русскую эмиграцию церковном конфликте между управлявшим русскими приходами Западной Европы митрополитом Евлогием (Георгиевским) и Архиерейским Синодом, Кирилл Владимирович был на стороне последнего, но, не желая усугублять вражду, посещал храмы обеих юрисдикций. В 1930 г. великий князь попытался примирить конфликтующих, в апреле он обратился с просьбой о восстановлении церковного мира к митрополитам Антонию и Евлогию, но безрезультатно. В конце того же года митрополит Евлогий (запрещенный 26 января 1927 г. Архиерейским Синодом РПЦЗ в священнослужении) вышел из состава Московской Патриархии. За участие по приглашению архиепископа Кентерберийского в молении в Лондоне о страждущей Русской Церкви заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей 10 июня 1930 г. уволил владыку Евлогия от управления приходами Западной Европы. После безрезультатной переписки Московская Патриархия 24 декабря 1930 г. приняла решение о вступлении в силу указа об увольнении митрополита Евлогия с июня месяца и предании его суду епископов. Власть над русскими приходами в Европе передавалась митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому)¹²⁸.

В этих условиях появилась надежда на воссоединение русской церковной эмиграции. 10 ноября 1930 г. супруга Кирилла Владимировича Виктория Федоровна присутствовала на богослужении митрополита Евлогия в парижском соборе св. кн. Александра Невского и затем дала аудиенцию владыке. В ходе беседы митр. Евлогий высказал сочувствие к примирению с РПЦЗ и выразил сожалению, что этому препятствует наложенное на него прещение. В тот же день представитель Кирилла Владимировича в Париже А.А. Башмаков отправил митр. Антонию письмо с проектом созыва при личном участии «его императорского величества» «Предварительного совещания» с участием шести архиереев (по три с каждой стороны) для подготовки канонического собрания, на котором было бы принято постановление о примирении.

Однако в ответном письме от 24 ноября 1930 г. владыка Антоний категорически отверг предложенный способ примирения: «...Вопрос этот чисто канонический, архиерейский и не подлежит обсуждению в каких-либо особых совещаниях и комиссиях, тем более с участием хотя бы одного из мирян и к тому же созываемых по почину мирян. Архиерейский Собор вынес двукратно определенное решение по этому вопросу, ясно указал путь воссоединения митрополита Евлогия с Собором зарубежных иерархов. Именно митрополит Евлогий

¹²⁸ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 227–228.

сам лично, без посредства посредников и мирян, должен обратиться к Архиерейскому Собору, или Синоду, или же ко мне и принести Собору Архиереев извинение за содеянное. <...> И после сего Собор обсуждает его дело и безусловно он будет принят в общение. Равно как Собор Архиереев, и только он, укажет и его канонически-правовое положение. <...> Не могу согласиться (это мой личный взгляд) и с тем, что церковное разделение мешает русскому делу. До 1927 года мы были едины, но русское дело не улучшалось, а ухудшалось. И именно после разделения оно пошло по правому пути. Именно после разделения, когда отошли митрополит Евлогий и состоящие около него левые, рельефнее выразилось монархическое течение эмиграции и привело к признанию государя императора. Да и нельзя приносить в жертву политическим делам основы Церкви, церковное строительство. Надо не нас, а митрополита Евлогия убеждать, что он губит русское дело, идя против Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей. <...> Не могу в заключение не выразить скорбь, что Государыня Императрица молилась в церкви митрополита Евлогия, запрещенного в священнослужении Собором Архиереев, члены которого, хотя и не все, признали ея августейшего супруга императором, а стало быть хранителем истинного православия».

К письму митрополит Антоний приложил свою декларацию от 15 сентября 1930 г. по вопросу церковной смуты и мерах прекращения ее. Архиерейский Синод на заседании 26 ноября одобрил и эту декларацию, и ответное письмо владыки А. Башмакову. Митрополит Антоний и другие архиереи РПЦЗ, несомненно, рассчитывали, что после разрыва с Московской Патриархией владыке Евлогию не остается ничего другого, как полностью капитулировать и выполнить все требования Синода. Смягчить эту позицию не смогли и обращения целого ряда православных архиереев из различных стран: архиепископа Пинского Пантелеимона из Польши, митрополита Бессарабского Гурия из Румынии и др. В результате приходится констатировать, что митрополит Антоний совершил ошибку, имевшую трагические последствия во всей дальнейшей истории Русской Православной Церкви, в полной мере ощутимые и в настоящее время.

17 февраля 1931 г. митрополит Евлогий в качестве экзарха со своей пастырской перешел в юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриарха и утратил каноническую связь с Русской Церковью. В ответ Московская Патриархия 30 апреля приняла решение о запрещении митрополита Евлогия и его клириков в священнослужении. Архиерейский Синод РПЦЗ 10 марта 1931 г. смог лишь выразить протест вселенскому патриарху по поводу неканонического принятия

под свою юрисдикцию митрополита Евлогия, что никакого реального значения не имело. 29 мая того же года Архиерейский Собор принял решение о приеме епископов и клириков, переходящих из Западно-Европейского экзархата и Американской митрополии в подчинение РПЦЗ через покаяние¹²⁹. Резко негативной была реакция и сербского патриарха Варнавы, который в своем послании даже заявил, что разрывает с митрополитом Евлогием каноническое общение¹³⁰ (впрочем, это продолжалось недолго).

В последние годы жизни митрополита Антония он все-таки предпринял попытки примириться с владыкой Евлогием. Один из близких к владыке студентов Свято-Сергиевского богословского института В.М. Родзянко после возвращения из Парижа и рассказа о местной церковной жизни 17 октября 1933 г. получил от митрополита Антония следующее письмо: «Если преосвященный Евлогий явится с повинной, то от имени Церкви получит прощение за свое отпадение от нея, хотя бы и остался под властью Константинопольского патриарха». Желая смягчить сухой тон письма, В. Родзянко приписал к нему постскриптум: «Вспомните, дорогой Владыко, как мы были вместе заключены в Бучаче, как были дружны! Не будем умирать, не простив друг друга». Митрополит Антоний не стал возражать и поставил свою подпись. В марте 1934 г., в Прощенное воскресенье, митрополиту Евлогию было передано еще одно письмо первоиерарха РПЦЗ: «Друже и владыко возлюбленный, ежечасно и ежедневно скорблю я о всем, что произошло. Непрестанно молю Бога о том, чтобы Он помог прекратить раскол... Стоит только Вам пожелать придти к единению с Церковью, и мы Вас примем с радостью, без всяких оговорок...»¹³¹.

30 марта 1934 г. владыка Евлогий отправил ответное письмо, в котором признавал, что в защите своей правоты ему не следовало, быть может, сразу оставлять Архиерейский собор, просил простить его и высказывал желание примирения¹³². 15 мая 1934 г. митрополит Евлогий приехал в Сремски Карловцы, митрополит Антоний радостно встретил его и принял в молитвенное общение; владыки прочли друг над другом разрешительные молитвы. Во время трапезы с участием других архиереев РПЦЗ председатель Архиерейского Синода сказал: «Сегодня для меня радостный день — начало нашего церковного мира. Пусть от этого дня среди нас царствует согласие и мир»¹³³.

¹²⁹ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 129–129об; Д. 109. Л. 3–5; Д. 112. Л. 1–2.

¹³⁰Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 5. С. 15.

¹³¹Православная Русь. 1935. № 22. С. 3.

¹³²Там же.

¹³³Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 114–116.

16 мая владыка Евлогий принял участие в заседании Архиерейского Синода, на котором было вынесено постановление передать решение об объединении будущему Архиерейскому собору РПЦЗ. Хотя евхаристическое общение между сторонами еще не было восстановлено, патриарх Варнава разрешил митрополиту Евлогию сослужить с сербским духовенством в Хоповском монастыре¹³⁴. 3 сентября 1934 г. Архиерейский собор принял постановление о том, что снятие с митрополита Евлогия и его клира запрещения в священнослужении в принципе возможно, условием был приезд владыки на Собор. В своей телеграмме в Париж сербский патриарх Варнава просил приехать митрополита на собор, причем уверял, что дело закончится благополучно: «Сие необходимо, как для общего блага Церкви, так и для Вашего блага, так как решение Вашего личного вопроса в принципе будет благоприятным». Хотя архипастырь не приехал, по свидетельству епископа Василия (Родзянко), патриарх Варнава посетил Собор и заявил, что если прещения не будут сняты, Югославия больше не сможет оказывать Синоду РПЦЗ свое гостеприимство. В результате, 10 сентября Архиерейский собор снял с митрополита Евлогия и его викариев запрещение в священнослужении, отметив, что окончательное объединение Русской Церкви наступит после выхода митрополита из юрисдикции Константинопольского патриарха. Однако полного мира не произошло, дело фактически ограничилось личным примирением митрополитов. Владыка Евлогий остался в юрисдикции Константинопольского патриарха, что неминуемо порождало новые конфликты¹³⁵.

Правда 16 мая 1935 г. в Лондоне состоялось совместное моление о прекращении гонений на веру в Советской России, в котором участвовали митрополит Евлогий, заместитель председателя Архиерейского Синода архиепископ Анастасий (Грибановский) и управляющий Западно-Европейской епархией РПЦЗ архиепископ Серафим (Лукьянов). За богослужением в англиканской церкви православные иерархи стояли в мантиях. В свою очередь на литургии и молебне в русском храме присутствовали в облачениях многочисленные представители англиканского духовенства¹³⁶.

В этом году сербский патриарх Варнава снова попытался примирить владыку Евлогия с Архиерейским Синодом. Под воздействием увещаний патриарха митрополит Евлогий 18 июня 1935 г. написал митрополиту Антонию о

¹³⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 246.

¹³⁵ Там же. С. 253–254; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 576–578; Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 9–10. С. 3, 5–6.

¹³⁶ Церковная жизнь. 1935. № 6. С. 100–101.

своем проекте организации единого управления Русской Церкви в диаспоре, который предусматривал автономное существование четырех митрополичьих округов с сохранением за Архиерейским Синодом и собором только координирующей функции и с тем, чтобы сам митрополит Евлогий оставался экзархом Константинопольского патриарха¹³⁷.

С 16 октября по 7 ноября 1935 г. в Сремских Карловцах прошел Архиерейский собор, принявший «Временное положение о Русской Православной Церкви за границей», которое должно было стать основополагающим документом для единой Зарубежной Русской Церкви¹³⁸. Еще во время работы Собора 31 октября в Сремских Карловцах под председательством патриарха Варнавы, открылось совещание иерархов, представлявших основные русские церковные течения за границей. В ходе его работы было достигнуто соглашение и принят «Проект временного Управления Русской Церкви за границей» («Временное положение»), с обращенным к митрополиту Евлогию требованием выйти из юрисдикции Константинопольского патриарха.

Согласно данному проекту Архиерейский Синод признавался верховным органом, в который должны были войти представители четырех митрополичьих округов: Американского, Дальневосточного, Западно-европейского и Балканского. При этом Синод получал власть в значительно большей мере, чем предусматривал проект митрополита Евлогия. Синоду давалось право временно замещать кафедры до Архиерейского собора, направлять и контролировать религиозную и просветительскую работу, при этом право сношения с главами Поместных Церквей принадлежало председателю Синода. Митрополиты и епископы в автономных регионах, которыми были признаны Балканы и Ближний Восток во главе с архиепископом Анастасием, Западная Европа во главе с митрополитом Евлогием, Северная Америка во главе с митрополитом Феофилом и Дальний Восток во главе с митрополитом Мелетием, должны были избираться на Округных соборах, а Архиерейский собор только утверждал эти избрания. Новый глава Американского округа митрополит Феофил (Пашковский) полностью поддержал решение совещания. Митрополит Евлогий возражал против этого проекта, но, в конце концов, согласился подписать его, оговорив, что оконча-

¹³⁷ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 12. Л. 67–67об.

¹³⁸Церковная жизнь. 1935. № 11–12. С. 185; 1936. № 1. С. 14–15; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 289–292.

тельно признает «Временное положение» после его одобрения Епархиальным собранием в Париже и утверждения Вселенским патриархом¹³⁹.

Кроме того, для изживания разделения на совещании было решено принять следующие меры: «1. Возможно более частое сослужение иерархов существующих ныне юрисдикций. 2. Неприятие в свое ведение клириков других юрисдикций без отпускных грамот их епископов. 3. Прекращение полемики друг с другом и, по возможности, предотвращение ее в повременной печати или путем распространения враждебных листов, воззваний и т.д. 4. Издание примирительного воззвания, под которым должны быть подписи и всех членов Совещания. 5. Недопущение открытия новых параллельных приходов при наличии существующих приходов иной юрисдикции»¹⁴⁰. Все присутствовавшие на совещании иерархи подписали «Временное положение», и казалось, что единство Русской Церкви за рубежом было восстановлено.

При этом председательствовавший на совещании патриарх Варнава говорил: «Среди вас находится митрополит Антоний, этот великий иерарх, являющийся украшением Вселенской Православной Церкви. Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви в начале христианства. В нем и заключается церковная правда. Вы все, не только живущие в нашей Югославии, но и находящиеся в Европе, в Америке и в Азии и во всех странах мира должны составлять, во главе с вашим великим архипастырем, митрополитом Антонием, несокрушимое целое, не поддающееся нападкам и провокациям врагов Церкви»¹⁴¹.

Позднее владыка Евлогий писал, что сделал на этом совещании неоправданные уступки, и, в частности, отмечал: «Чувство жалости к бедному митрополиту Антонию заставило меня допустить и назначение его пожизненным и бесменным председателем Синода, хотя я сначала и возражал, защищая выборное начало при назначении председателя, понимая, что при беспомощности митрополита Антония руководство Синодом останется в руках синодальных чиновников»¹⁴². Возможно, при условии лучшего самочувствия владыки Антония ситуация сложилась бы по-другому. Принятый в Белграде проект, прежде всего,

¹³⁹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 583–590; Гласник. Београд. 1935. № 30. С. 560.

¹⁴⁰ Церковная жизнь. 1935. № 11–12. С. 169.

¹⁴¹ *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 8.

¹⁴² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 586.

из-за отказа митрополита Евлогия его выполнять, в дальнейшем реализован не был.

Московская Патриархия отрицательно отнеслась к примирению русской церковной эмиграции в 1935 г. 25 ноября митрополит Сергей (Страгородский) направил в Белград телеграмму, где возмущался тем, что патриарх Варнава, вместо того, чтобы вернуть «раскольников» в лоно Матери-Церкви, способствует консолидации и укреплению раскола под своим возглавлением. Митрополит предупреждал Патриарха, что ему следует остаться в стороне от внутренних разделений и расколов в Русской Православной Церкви и прекратить общение с митрополитом Антонием и Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах, иначе его помощь «раскольникам» неминуемо приведет к разрыву общения между Московской Патриархией и Сербской Церковью. В ответе Первоверховного от 10 декабря 1935 г. все эти обвинения отвергались. Патриарх Варнава категорически отказывался считать архиереев РПЦЗ раскольниками и не усматривал в своих действиях желания подчинить русскую диаспору, указывая, что высшим органом управления РПЦЗ был признан ежегодный Архиерейский собор, к которому Сербская Патриархия не имеет отношения. Патриарх, как и прежде, умолял митрополита Сергея предоставить ему право контролировать, чтобы действительно справедливые требования Московской Патриархии исполнялись в РПЦЗ, при этом он просил снять с карловацких архиереев «несправедливое запрещение»¹⁴³.

Митрополит Сергей в письме митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому) от 13 марта 1936 г. охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «На мою телеграмму Патриарх Варнава ответил полным отказом изменить свою позицию и приостановить «задуманное». Вы-де и даже Ваш собор можете сколько угодно запрещать или отлучать. Мы знаем, что Вы не свободны, и потому Вашим запрещением и отлучением не придаем никакого значения, и по-прежнему будем считать себя в общении с Русской Церковью. Значит, самочинная консолидация нашего эмигрантского раскола пойдет полным ходом, и патриарх Варнава остается покровителем и вдохновителем всего предприятия, открыто имея молитвенное общение с раскольниками»¹⁴⁴.

17 марта митрополит Сергей направил письмо патриарху Варнаве, в котором возмущался его решением «остаться в общении с раскольниками», и вновь

¹⁴³ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 386–388.

¹⁴⁴ Троицкий С.В. Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. С. 8; Косик В.И. Русская Церковь... С. 75.

требовал «убедить наших беженцев ликвидировать свою самочинную организацию и, примирившись, таким образом, с Матерью-Церковью, в дальнейшем устроить жизнь свою согласно канонам и своему желанию». Письмо заканчивалось новой угрозой прервать с Сербской Церковью евхаристическое и каноническое общение. Патриарх ответил еще более резким отказом и обвинением митрополита Сергия в отступлении от его прежних позиций и создании новых препятствий узаконению статуса Зарубежной Церкви. На это послание заместитель патриаршего местоблюстителя отвечать не стал, поняв бессмысленность переговоров с Сербской Патриархией¹⁴⁵. В начале июля 1936 г. он явно несправедливо писал митрополиту Елевферию (Богоявленскому): «Патриарх Варнава систематически и «всенародно» (выражение канона) поддерживает Карловацкий раскол и вступает в общение не с отдельными его представителями, а со всем раскольническим обществом. В последнее же время патриарх Варнава задался целью содействовать окончательному и бесповоротному устройству раскольничьего общества в виде самостоятельной Церкви. А это уже отнимает всякую надежду на обращение раскольников»¹⁴⁶.

В 1935 г. возник еще один острый конфликт, связанный с богословским учением профессора Свято-Сергиевского института в Париже протоиерея Сергия Булгакова о Святой Софии. Постановлением Архиерейского собора была создана комиссия для обсуждения учения о. Сергия, после доклада которой собор 30 октября 1935 г. постановил признать это учение еретическим, о чем сообщить митрополиту Евлогию с просьбой призвать прот. Сергия к покаянию и публичному отречению от своего учения. Вскоре после этого, 4 декабря, владыка Антоний письменно известил митрополита Евлогия о соборном определении и своей позиции. В ответном письме владыки Евлогия от 10 января 1936 г. говорилось, что им образована «комиссия из компетентных лиц с высшим богословским образованием, для составления заключения об учении протоиерея С. Булгакова» (в декабре 1935 г. в Западно-европейском экзархате действительно начала работу комиссия для разбора учения прот. Сергия Булгакова в составе: председателя — протоиерея И. Смирнова, протоиерея И. Ктитарева, профессоров архимандрита Кассиана (Безобразова), протоиерея Г. Флоровского, А.В. Карташева, В.В. Зеньковского и Б.И. Сове)¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 389–391.

¹⁴⁶ Голос Литовской православной епархии. 1936. № 7–8. С. 5–7.

¹⁴⁷ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 637–638.

Заслушав данный ответ, Архиерейский Синод признал неудобным назначение новой комиссии «после уже имевшего место внимательного исследования учения прот. Булгакова целым собором иерархов», и попросил митрополита Антония вновь повторить митрополиту Евлогию просьбу объявить прот. С. Булгакову соборное определение с условием отречения его от своего еретического учения в течение месяца. Однако Владыка Евлогий 7 марта 1936 г. ответил отказом исполнить постановление Архиерейского Собора об увещании протоиерея С. Булгакова. В своих воспоминаниях владыка отмечал: «Одновременно с этим велась у меня тягостная переписка с Синодом по поводу сочинений о. Сергия Булгакова. Митрополит Антоний выражал неудовольствие Синода, зачем я назначил свою комиссию для разбора учения о Софии, которое уже осуждено Карловацким Собором и признано еретическим; в этом смысле нужно сделать протоиерею С. Булгакову публичное увещание...»¹⁴⁸. 26–29 ноября 1937 г. в Париже состоялось совещание архиереев Западно-европейского экзархата по разбору учения прот. Сергия Булгакова, в котором участвовали: митрополит Евлогий, епископ Сергей из Праги, архиепископ Никон из Ниццы и архиепископ Александр из Брюсселя. После трех дней заседаний участники совещания все-таки не осудили это учение.

Еще одна активная переписка между владыками Антонием и Евлогием в декабре 1935 – марте 1936 гг. была связана с интервью, данным последним корреспонденту газеты «Возрождение», в котором митрополит Евлогий умолчал об обусловленности достигнутого осенью 1935 г. соглашения его уходом из юрисдикции Константинопольского патриарха. В конце концов, Владыка Евлогий в марте 1936 г. написал Вселенскому патриарху о нежелании выхода из его юрисдикции, что фактически завершило все переговоры по этой теме¹⁴⁹.

В июне 1936 г. в Париже было проведено Епархиальное собрание Западно-европейской епархии, отказавшееся утвердить принятый в Сремских Карловцах «Проект временного Управления Русской Церкви за границей». Позднее митрополит Евлогий так вспоминал об этом собрании: бывший премьер-министр России граф В.Н. Коковцев «совершенно раскритиковал “Временное положение”, разъяснив собранию, что этот проект своей централизацией предусматривал лишение их всякой самостоятельности и сосредоточивал всю власть в Карловацком Синоде. <...> В окружении Съезда стал действовать какой-то “Комитет примирения” с участием графини Шуваловой; появились агитационные брошюры

¹⁴⁸Там же. С. 580.

¹⁴⁹ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–1об; Д. 135. Л. 1об; Д. 138. Л. 2.

с требованиями мира во что бы то ни стало. Но мы вовремя остановили эту пропаганду на Съезде посторонних лиц, чем парализовали энергичный натиск «карловацких» приверженцев и вызвали в их лагере крайнее неудовольствие. После всестороннего обсуждения и оживленных дебатов «Временное положение» было Съездом отвергнуто. <...> Подробное донесение о Епархиальном собрании и его резолюциях мы сейчас же отослали Вселенскому Патриарху. Итак, моя поездка в Белград и все усилия канонически оформить мир церковный не привели ни к чему»¹⁵⁰.

22–24 сентября 1936 г. состоялся Архиерейский Собор РПЦЗ, на который был приглашен, но не приехал владыка Евлогий. Собор признал, что новый порядок управления Русской Церковью за рубежом не может быть проведен в жизнь, потому что он был отвергнут митрополитом Евлогием. Соборное определение отклонило ссылку владыки на «волю церковного народа», якобы не признавшего «Временного положения»: «Голос паствы здесь вообще не может иметь решающего значения», потому что такое постановление Епархиального собрания, «несомненно, подготовлено и частично внушено докладом Епархиального совета и предварительно речью самого митрополита Евлогия». Участники Собора приветствовали стремление митрополита Евлогия и Епархиального собрания продолжать поиски путей сближения, но подчеркивали, что единство русской церковной юрисдикции за рубежом может осуществиться, только если митрополит Евлогий выйдет из канонической орбиты Вселенского престола. В утвержденном на этом Архиерейском соборе «Временном положении» говорилось: «Русская Православная Церковь Заграницей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах»¹⁵¹. Кроме того, на соборе было принято постановление оповестить глав всех автокефальных Православных Церквей о признании учения о. Сергия Булгакова о Софии ересью и одновременно организовать комитет под председательством графа Г.П. Граббе для охраны православной веры от лжеучений.

Значительно более успешно прошли переговоры руководства РПЦЗ (также при содействии патриарха Варнавы) с отделившимися в 1920-е гг. русскими архиереями Северной Америки. В начале 1930-х гг. этот конфликт еще был в полном разгаре. Так 7 июня 1933 г. Архиерейский Синод заслушал «Послание

¹⁵⁰ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 643.

¹⁵¹ Церковные законы, касающиеся Русской Православной Церкви Заграницей. Джорданвилль, 1947. С. 5.

Собора русских православных епископов в Северной Америке» от 28 февраля за подписью митрополита Североамериканского Платона (Рождественского) и его викариев с «необоснованными обвинениями» Синода. Несколько признававших каноническую власть Синода православных архиереев в Америке во главе с архиепископом Североамериканским и Канадским Аполлинарием (Кошевым) 30 апреля написали свое послание с опровержением этих обвинений. В мае того же года митрополит Платон отказался дать подписку о лояльности советской власти и объявил Североамериканскую епархию автономной. В ответ Московская Патриархия 16 августа 1933 г. вынесла решение запретить митрополита Платона в священнослужении, как инициатора и главного виновника раскола. Американская епархия была названа «самочинным сборищем», «раскольничьим обществом», члены которого считаются отлученными от общения в молитвах и таинствах. 11 сентября 1933 г. митрополит Платон и его викарии объявили эти прещения незаконными. До созыва законного Всероссийского собора Американскую Церковь была провозглашена независимой¹⁵².

Митрополит Антоний очень ценил владыку Аполлинария и в мае 1933 г. разослал членам Синода циркулярное письмо с предложением наградить архиепископа алмазным крестом на клобуке, подчеркнув: «Владыка Аполлинарий 15 лет с честью, с великими скорбями, в тяжкой нужде пас свое прежде малочисленное, а теперь размножившееся духовное стадо и находится в почтенном возрасте около 60 лет. При том должен заметить, что он вынужден вести неустанную борьбу против нескольких лжеархиереев, старающихся отторгнуть от Церкви Христовой паству его». 7 июня Синод принял это предложение. К моменту случившейся 19 июня 1933 г. смерти архиепископа Аполлинария количество приходов РПЦЗ в Северной Америке достигло 62¹⁵³.

После последовавшей 20 апреля 1934 г. смерти митрополита Платона избранный 21 ноября того же года на Кливлендском Соборе новым главой Североамериканской епархии митрополит Феофил (Пашковский) пошел на сближение с РПЦЗ и, как уже говорилось, в ноябре 1935 г. подписал принятый в Сремских Карловцах «Проект временного Управления Русской Церкви за границей», и 1 июня 1936 г. известил митрополита Антония о состоявшемся церковном объединении на соборе русских православных архиереев Северной Америки в Питтсбурге. 15 июня владыка Антоний направил ответное приветственное письмо, а 16 июля 1936 г. Архиерейский Синод постановил возблагодарить Всевышнего за

¹⁵² Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 266–267.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; Д. 271. Л. 137–142.

состоявшееся церковное объединение. Это объединение (продолжавшееся около 10 лет) было утверждено на Соборе Северо-Американской епархии 5 октября 1937 г.¹⁵⁴

Из глав Поместных Православных Церквей наиболее тесные контакты у митрополита Антония (Храповицкого) существовали с сербским патриархом Варнавой, который хорошо знал его еще со времени своей учебы в Российской империи. Сразу же после вступления святителя Варнавы на Патриарший Престол владыка Антоний отправил поздравление и 6 июня 1930 г. получил благодарственное письмо патриарха. Более того, именно Первоиерарх РПЦЗ, по настойчивой просьбе владыки Варнавы, возглавил службу в день его патриаршей интронизации. Свое отношение к митрополиту сербский патриарх ясно высказал еще во время своей упоминавшейся проповеди в русской церкви Белграда 22 июля 1930 г.¹⁵⁵

Келейник владыки Антония архимандрит Феодосий (Мельник) был свидетелем слов, сказанных однажды патриархом Варнавой своему повару: «Если только узнаю или замечу какую-нибудь небрежность в отношении владыки митрополита — немедленно уволю. Так и знай. Он мой друг, он мне больше, чем родной отец». По свидетельству о. Феодосия, сербский патриарх часами просиживал у митрополита Антония, когда бывал в Сремских Карловцах¹⁵⁶.

Митрополит Антоний жил в Югославии на положении призываемого беженца; он не принимал никакого участия в управлении Сербской Православной Церковью, никогда не получал приглашения на заседание ее Синода и Архиерейского собора, на богословский факультет Белградского университета и в Карловацкую духовную семинарию (богословию). Но владыка почти каждый день встречался с сербскими архиереями в Сремских Карловцах за общей трапезой и оказывал большое влияние на направление церковной жизни в Югославии.

При этом митрополит Антоний был полностью свободен в своей деятельности по управлению РПЦЗ. 28 декабря 1934 г. он откровенно писал об этом архиепископу Пантелеимону (Рожновскому): «Святейшего патриарха Сербского, если мы и спрашиваем о чем либо, то только о том, когда собираем Собор, ибо собираем в его доме, и он является гостеприимным хозяином; без его ведома делать такое собрание было бы немислимо. В других случаях его ни о чем не спрашиваем, и он не требует, ибо у нас полнейшая в этом смысле автокефалия.

¹⁵⁴ Там же. Д. 132. Л. 3; Д. 138. Л. 1.

¹⁵⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 113.

¹⁵⁶ *Феодосий (Мельник), архим.* Святейший патриарх Варнава и владыка митрополит Антоний (по личным воспоминаниям) // Церковная жизнь. 1937. № 7–8. С. 122–123.

Конечно, парижская нигилистка старалась и старается оправдать в трех соснах заблудившегося Евлогия тем, что де и “карловчане” подчиняются Сербскому Патриархату, но это им не удастся доказать, ибо Сербская Церковь, так бережно относящаяся к нашей Церкви, ни малейшем жестом не показывает своего попечительства»¹⁵⁷. Архивные документы действительно свидетельствуют, что с патриархом Варнавой согласовывались лишь даты проведения Архиерейских соборов.

Впрочем, теплые отношения с сербским патриархом не исключали отдельных конфликтов. Митрополит Антоний, имея с дореволюционных времен звание экзарха Вселенского патриарха для карпаторосской и галицийской областей, помышлял о духовном окормлении Карпатской Руси, но влияние РПЦЗ там допущено не было. По соглашению правительств Чехословакии и Югославии для обслуживания духовных нужд православного населения Закарпатья была образована Мукачевско-Пряшевская епархия Сербской Церкви. РПЦЗ стараниями архимандрита, в дальнейшем архиепископа, Виталия (Максименко) удалось устроить лишь типографское монашеское братство прп. Иова Почаевского в Ладомировой (Словакия).

Активная миссионерская деятельность братства, формально входившего в состав Мукачевско-Пряшевской епархии, но фактически руководимого лишь архиепископом Виталием, вызвала тревогу у патриарха Варнавы. 27 апреля 1936 г. он написал митрополиту Антонию письмо по поводу действий владыки Виталия в отношении братства прп. Иова. В ответе митрополита от 25 мая говорилось: «...по-видимому, архиепископ Виталий не переписывал на свое имя монастырское т.е. церковное имущество, как это значит в письме Вашего Святейшества, а лишь создал типографию с довольно значительным движимым и недвижимым имуществом, которое с самого начала было записано на его имя. <...> Думаю, что и Сербская Православная Церковь может относиться к начинаниям Преосвященного Виталия с полным доверием, будучи уверенной, что Братство им устроенное и далее будет вполне лояльно к ней, как впрочем, и все русские церковные учреждения, имеющие приют на территории подлежащей юрисдикции Сербской Православной Церкви или ныне входящие в состав ее»¹⁵⁸.

Письмо патриарха Варнавы было доложено митрополитом Архиерейскому Синоду РПЦЗ, который 16 июля 1936 г. постановил дать на него ответ после

¹⁵⁷ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 288. Л. 77.

¹⁵⁸Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 275–277.

прояснения вопроса с планирующим прибыть в Белград архиепископом Виталием. Конфликт был разрешен лишь после смерти как митрополита Антония, так и Патриарха Варнавы; 24 февраля 1939 г. епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир официально признал типографское братство прп. Иова обителю в юрисдикции Архиерейского Синода РПЦЗ¹⁵⁹.

Сербский патриарх неоднократно оказывал помощь митрополиту Антонию в его отношениях со Вселенским патриархом, которые нередко складывались не лучшим образом. Конфликты начались еще в 1920-е гг. после признания Константинопольским Патриархатом обновленцев и перехода им на новый стиль. Избрание в январе 1930 г. Вселенским патриархом владыки Фотия вызвало у митрополита Антония надежды на изменение ситуации. Митрополит написал поздравление и 5 февраля патриарх Фотий прислал в ответ любезное благодарственное письмо.

В феврале-марте 1930 г. владыка Антоний писал русскому иеросхимонаху Фотию на Афоне: «Патр. Фотий желает, чтоб его считали консерватором. Мне писали о нем, что он лучший из современных иерархов в Царьграде. <...> Ваш Патриарх как будто подается вправо под влиянием событий и Вам можно значительно успокоиться. Если Русь освободится от большевиков, то и разговор о новом стиле окончится»¹⁶⁰.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Особенно острые конфликты вызывало тяжелое положение русских обителей на Афоне, находившихся в юрисдикции Вселенского патриарха. Ряд положений принятой в мае 1924 г. «Уставной хартии Святой горы Афонской» («Нового канонизма») ставил негреческие обители в неравноправное положение по отношению к греческим. Представители русского Пантелеимоновского монастыря, несмотря на угрозы, уклонились от обсуждения хартии как ущемляющей права русских иноков и не подписали ее (лишь в 1940 г. монастырь согласился исполнять ее предписания как существующего государственного законоположения, но представители обители под ней все не подписались).

В августе 1931 г. настоятель келии св. Иоанна Златоуста на Афоне иеросхимонах Варсонофий с братией обратился к митрополиту Антонию с просьбой возбудить перед обществом вопрос о защите на Афоне русского, сербского, болгарского и румынского монашества от греческого насилия. В это же время и Свято-Пантелеимоновский монастырь получил строгое послание Вселенского

¹⁵⁹ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 23. Л. 2; Д. 138. Л. 1.

¹⁶⁰Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 218–219.

патриарха с угрозой строго покарать братию за то, что она не вводит у себя новый устав (хартию), якобы притесняет иноков-греков в обители и упорствует в нежелании принять греческое подданство. Митрополит Антоний обратился к сербскому патриарху Варнаве с просьбой выступить в защиту русских иноков, что вскоре и было сделано.

Одновременно владыка Антоний написал представителю Нансеновской организации для беженцев в Греции Котельникову, а тот, в свою очередь, в греческий МИД, но там отрицали притеснения русских иноков. В связи с сохранением тяжелой ситуации 7 октября 1931 г. Архиерейский Синод РПЦЗ постановил просить митр. Антония продолжать помощь инокам. Был создан Комитет помощи русским афонским инокам, работе которого активно помогал управлявший русскими приходами в Болгарии епископ Серафим (Соболев)¹⁶¹.

Помимо Сербской Церкви особенно хорошие отношения у митрополита Антония были с главами Болгарской Православной Церкви и Антиохийского Патриархата. В частности, Антиохийский патриарх Александр III 29 мая 1931 г. прислал грамоту с выражением радости по случаю присвоения владыке Антонию титула Блаженнейшего. Другой антиохийский патриарх — Григорий — неоднократно оказывал поддержку Зарубежной Русской Церкви и пожертвовал средства на издание православного катехизиса, составленного митрополитом Антонием. В свою очередь, председатель Архиерейского Синода с особенной любовью относился к Антиохийской Церкви. В общении с РПЦЗ пребывал и александрийский патриарх, обращавшийся к владыке Антонию как к ее законному возглавителю. Иерусалимский патриарх Дамиан также не только допускал деятельность РПЦЗ на своей канонической территории, но и призывал ее к участию в делах своего Патриархата. Так, имея нужду в рукоположении новых епископов, он пригласил для сослужения с ним находившегося в Иерусалиме архиепископа Анастасия (Грибановского). В частности, будущий Иерусалимский патриарх Тимофей был одним из епископов, рукоположенных совместно Патриархом Дамианом и владыкой Анастасием. В 1930-е гг. в братском общении с РПЦЗ находился и архиепископ Горы Синайской¹⁶².

Отношения с Румынской Православной Церковью осложнялись угнетением русского населения в аннексированной Бессарабии, что вызывало сильную тревогу у митрополита Антония. 12 июня 1930 г. Архиерейский Синод заслушал доклад владыки о положении церковных дел и духовном окормлении русских в

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 116, д. 117, д. 125.

¹⁶² Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, свт. Краткая история... С. 7.

Бессарабии. Под давлением РПЦЗ митрополит Бессарабский Гурий 6 июня 1931 написал владыке Антонию о возможности совершения служб для русских по их обычаям и на церковнославянском.

Однако ситуация так и не изменилась к лучшему. В июле 1932 г. епископ Венский Серафим в качестве представителя Центрального комитета русского национального меньшинства в Бессарабии участвовал в совещании православных членов VIII Европейского конгресса национальностей для защиты церковных интересов русского населения. Вопрос о положении русских церковных общин в Бессарабии рассматривался на Архиерейских Соборах РПЦЗ 27 августа 1932 и 8 сентября 1936 гг. А 8 июня 1936 г. Архиерейский Синод принял обращение к Лиге Наций по поводу притеснения русского православного меньшинства в Бессарабии¹⁶³.

Подобная защита оказывалась и русскому населению в Польше. Правда, ситуация там была менее однозначной. РПЦЗ не признала незаконно полученной от Вселенского патриарха автокефалии Польской Православной Церкви, но при этом митрополит Антоний достаточно благожелательно относился к отстаивавшему православие в католической стране митрополиту Варшавскому Дионисию (Валединскому). Так, 28 декабря 1934 г. владыка Антоний писал не признававшему автокефалии Польской Церкви и поэтому заключенному в монастырь архиепископу Пинскому Пантелеимону (Рожновскому): «Конечно, что говорить, положение Ваше не из первоклассных, но и М. Дионисия также не блестящее, ему тоже нелегко. Я смотрю на него и удивляюсь, как у него хватает сил для той работы, какую он ведет. Легко критиковать. <...> ведь он все время находится между молотом и наковальней, а тут еще и свои собратия и ближайшие сотрудники один другого лучше. Надо же входить в положение и его, а не рубить с плеча и обвинять его чуть ли не в шпионстве за Вами. Меньше бы Вам слушать людей, ненавидящих М. Дионисия, и потерей положения обездоленных, на весь мир сердчающих, а братски приблизиться, я бы сказал, к страдальцу М. Дионисию, и с ним бы по душам поговорить, и Вы бы тогда убедились, что он не враг Вам, а такой же страдалец за Св. Православие, как и Вы»¹⁶⁴.

Во второй половине 1930-х гг. в Польше начались массовые гонения на православие, и РПЦЗ пришлось вести активную борьбу в его защиту. Уже 8 сентября 1936 г. на Архиерейском соборе было принято обращение по пово-

¹⁶³ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 107, д. 111, д. 123, 137.

¹⁶⁴Там же. Д. 288. Л. 78.

ду положения Православной Церкви в Польше (преследования православных, украинизации и полонизации Церкви).

Сложным также оказалось положение православных приходов в Германии после прихода там в 1933 г. к власти нацистской партии. При этом в стране шла борьба между евлогиянами и представителями РПЦЗ, в юрисдикцию которой в 1934 г. перешла община висбаденской церкви. Когда митрополит Евлогий пригласил служить в Висбаден архиепископа Пантелеимона (Рожновского), владыка Антоний в письме от 28 декабря отсоветовал архиепископу принять данное предложение: «Евлогия выпирают из Висбадена, ибо весь приход перешел в ведение епископа Берлинского и Германского Тихона, а Евлогий, чтобы спасти свое положение, хочет Вас втянуть в эту кашу. Конечно, при всем Вашем миролюбивом настроении, Вы вынуждены будете воевать по указанию своего начальства, и таким образом явитесь и моим противником, как председателя Синода и Собора, которому подчиняется и даже является его членом епископ Тихон. Что касается организации Вами немецких служб, то это идея хорошая, но, к сожалению, остается только идеей. Пробовали мы все, но еще время не пришло. На немецкие службы усерднейше являлись опять тоже русские, а немцев не так-то просто залучить в Православную Церковь, а особенно теперь, когда гитлеровщина обожествляется...»¹⁶⁵.

Из этой и других подобных фраз видно негативное отношение митрополита Антония к нацистскому режиму и идеологии. Однако, когда правительство Пруссии приняло 14 марта 1936 г. постановление о присвоении епархии Берлинской и Германской РПЦЗ статуса корпорации публичного права, владыка был вынужден написать благодарственное письмо в качестве акта вежливости. 24 апреля Рейхсминистерство церковных дел сообщило митрополиту Антонию о решении правительства Пруссии и возможности строительства нового православного кафедрального собора в Берлине частично на средства министерства.

В этих обстоятельствах владыка 8 июня написал министру Г. Керлу: «Для меня приятная обязанность — высказать Вам от имени всей Русской Православной Церкви Заграницей нашу глубокую и искреннюю благодарность за Ваше благожелательное отношение к нуждам нашей германской Епархии. В то время, когда Православная Церковь на нашей Родине подвергается беспрецедентным преследованиям, нас особенно трогает внимание Германского правительства и Ваше лично, пробуждает в нас чувство глубокой благодарности Германскому народу и его славному вождю Адольфу Гитлеру и побуждает нас к сердечной

¹⁶⁵ Там же. Л. 77.

молитве за его и Германского народа здоровье, благополучие и об Божественной помощи во всех их делах»¹⁶⁶.

Еще раньше, 13/26 марта 1936 г., Архиерейский Синод РПЦЗ под председательством митрополита Антония, заслушав доклад епископа Берлинского и Германского Тихона (Лященко) по вопросу о форме поминовения германских властей, постановил: «Установить следующие формулы поминовения Германских властей в Германской епархии, после утверждения и опубликования Конституции о сей епархии. 1) На великой ектеньи: «О христолюбивых властях народа Германского, правительстве и воинстве его, Господу помолимся». 2) На сугубой ектеньи: «Еще молимся о христолюбивых властях народа Германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити им во всех и покорити под нозе их всякого врага и супостата». О чем послать преосвященному епископу Тихону указ»¹⁶⁷. Правда, «вождь германского народа» в этой формуле нигде не упоминался.

Следует отметить, что после прихода в Германии к власти А. Гитлера некоторые русские эмигранты видели в нем своеобразное орудие возмездия «мировому масонству», отождествляемому с «безбожным большевизмом». Руководство Зарубежной Русской Церкви все же занимало более осторожную позицию. Незадолго до своей кончины митрополит Антоний заявил: «Я далек от международной жизни и не знаю современных вождей Германии: тем не менее, я не враг Германии, а совершенно наоборот»¹⁶⁸. Опубликовавшая эту фразу редакция близкой к владыке газеты «Царский вестник» в том же номере подчеркивала, что она «приветствует идею о необходимости сближения, <...> но при условии, чтобы немцы оставили свой традиционный взгляд на русский народ, как на подлежащий уничтожению этнографический материал, годный лишь на удобрение немецкой культуры»¹⁶⁹.

Помимо отношений с главами Поместных Православных Церквей митрополит Антоний имел определенные связи и с инославными конфессиями, прежде всего, Англиканской Церковью. Уже говорилось о его послании 1929 г. к архиепископу Кентерберийскому, а 31 декабря 1931 г. Архиерейский Синод избрал епископа Венского Серафима (Ляде) своим представителем в Комитет продолжения Всемирной конференции о вере и порядке под председательством архиепископа Йоркского. 3 марта 1936 г. Синод постановил направить двух сво-

¹⁶⁶РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 13. Л. 20; Церковная жизнь. 1936. № 6. С. 89.

¹⁶⁷ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–2.

¹⁶⁸Царский вестник. 1935. 10 марта. № 439. С. 2.

¹⁶⁹Там же. С. 1.

их представителей, в том числе епископа Серафима, на Оксфордскую конференцию практического христианства (по приглашению Совета всемирного практического христианства) и т.д.¹⁷⁰

Очень большое влияние митрополит Антоний оказывал на внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви за границей. В 1930-е гг. владыка совершил для РПЦЗ 11 архиерейских хиротоний, в том числе: в 1930 г. архимандрита Тихона (Троицкого) во епископа Сан-Францисского и архимандрита Иоасафа (Скородумова) во епископа Монреальского, в 1931 г. архимандрита Феодосия (Самойловича) во епископа Детройтского и иеромонаха Иоанна (Шлимона-Геваргизова) во епископа Урмийского и Салмасского, в 1932 г. архимандрита Виктора (Святина) во епископа Шанхайского, в 1934 г. архимандрита Виталия (Максименко) во епископа Детройтского и иеромонаха Иоанна (Максимовича) во епископа Шанхайского¹⁷¹.

По предложению митрополита Антония вводились новые церковные праздники. Так 31 октября 1929 г. Владыка написал доклад, в котором указывал: «Ныне, на основании опыта, считаю долгом просить Архиерейский Синод об установлении дня св. равноапостольного князя Владимира общим русским церковно-национальным праздником, с приглашением архипастырей и пастырей, особенно в этот день отметить значение русской православной культуры и в церковной и государственной жизни русского государства. Ныне, когда в России красный интернационал, проникающий в эмиграцию, разъедающий русский церковно-национальный организм, стараясь уничтожить духовно и национально русский народ, особенно необходимо противопоставить сему установление церковно-национального праздника».

31 декабря 1929 г. Синод постановил установить день св. кн. Владимира 15/28 июля общим русским церковно-национальным праздником. Вскоре митрополит Антоний обратился к архипастырям, пастырям и всей пастве РПЦЗ с призывом уделить должное внимание вопросу о проведении повсеместного празднования этого дня подобающим образом. Уже в июле 1929 г. митрополит участвовал в особом праздновании в память св. кн. Владимира в большом зале Белградского университета¹⁷².

В связи с этим празднованием в Белграде был издан объемный «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира», написанный мит-

¹⁷⁰ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 119, д. 134.

¹⁷¹Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание... Т. 5. С. 271.

¹⁷²ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–1об.

рополитом Антонием, профессорами Е.В. Спекторским и М.А. Георгиевским. В предисловии к сборнику отмечалось: «Св. кн. Владимир властно зовет нас к подвигу признания вечного значения Церкви и построения всей жизни, частной, семейной, общественной, государственной на принципе признания этого Ее значения»¹⁷³.

Празднование дня св. кн. Владимира активно поддержали сербские архиереи, в частности, патриарх Варнава. Во время панихид по павшим на Салоникском фронте русским воинам он сравнивал князя со св. Саввой. Епископ Жичский св. Николай (Велимирович), выступая 28 июля 1932 г. на празднике св. кн. Владимира в Белграде, сравнил октябрьскую революцию как массовое уничтожение нации с поражением сербов на Косовом поле в 1389 г. Оба этих иерарха рассматривали св. кн. Владимира как центральную, объединяющую русскую эмиграцию фигуру, которая также должна символизировать грядущее духовное возрождение России¹⁷⁴.

31 декабря 1931 г. Архиерейский Синод по предложению владыки Антония установил в зарубежных русских храмах ежегодное, в день кончины протоиерея Иоанна Крошштадтского, 20 декабря совершение заупокойной литургии и панихиды по отцу Иоанну.

В начале 1930-х гг. митрополит Антоний учредил и лично возглавил братство Святой Руси имени св. кн. Владимира, которое должно было объединить «все русские национальные организации на общей единой основе — Православной вере». Отделы братства должны были возникнуть во всех епархиях и миссиях Русской Православной Церкви Заграницей. К 1934 г. главный совет братства в соответствии с задачей по разработке и распространению идеи церковно-народного идеала Святой Руси разработал курс лекций на общую тему «Идея Святой Руси и современные общественные течения», который читался в Белграде¹⁷⁵. Однако грандиозный замысел владыки по объединению русской эмиграции в результате деятельности братства окончился неудачей. В.А. Маевский позднее писал, что так называемое Владимирское движение провалилось из-за того, «что не было создано надлежащей духовной школы, не подготовлены кад-

¹⁷³ Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, б/г. С. 8.

¹⁷⁴ Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа; *Buchenau K.*, а.а.О., S. 248–249; *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 43.

¹⁷⁵ *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). С. 106–107; Царский вестник. 1934. № 392. С. 3.

ры духовенства, «...» не были найдены пути к духовным стремлениям эмиграции»¹⁷⁶.

В 1932 г. митрополит Антоний передал на хранение королю Югославии вывезенные из России отступившей осенью 1919 г. на территорию Эстонии Белой армией генерала Юденича так называемые Мальтийские или Гатчинские святыни (Филермскую икону Божией Матери, десницу Иоанна Предтечи и часть Животворящего Креста Господня), которые поместили в королевской дворцовой церкви. В докладе владыки Антония Синоду от 10 декабря 1932 г. подчеркивалось: «Принимая названные Святыни, и, передавая их на хранение его величеству королю Александру, я неизменно признавал их за собственность Российских императоров. Поэтому и преемники мои, как председателя Архиерейского Синода, собственником святынь должны признать главу Российского царственного Дома, и если святыни будут переданы кому-либо из моих преемников Королем Югославии, то на того преосвященного ляжет долг обратиться к главе российской династии за указаниями, как с ними поступить»¹⁷⁷. К сожалению, это условие временной передачи в дальнейшем было забыто, в настоящее время Гатчинские святыни находятся в Черногории, и, видимо, навсегда утрачены для Русской Православной Церкви.

Митрополит Антоний оказывал определяющее влияние на персональные назначения в руководящих органах РПЦЗ. Так, по его настоянию Архиерейский Синод 24 августа 1931 г. освободил Е.И. Махараблидзе от должности управляющего Синодальной канцелярией и назначил исполняющим должность правителя дел канцелярии графа Г.П. Граббе. 7 октября того же года Синод утвердил Граббе и освободил Е. Махараблидзе от должностей редактора журнала «Церковные ведомости» и юрисконсульта Архиерейского Синода. По докладам митрополита Антония его келейник иеромонах Феодосий (Мельник) в 1930 г. был возведен в сан игумена, в 1932 г. — во архимандрита и назначен настоятелем русской Синодальной церкви в Сремских Карловцах¹⁷⁸.

По представлению и желанию болеющего митрополита Антония проходивший 16 октября – 7 ноября 1935 г. Архиерейский собор избрал заместителем Первоиерарха архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (в миру Александра Алексеевича Грибановского). Владыка Антоний написал о нем теплую статью. 10 ноября того же года владыка Анастасий по окончании сессии

¹⁷⁶Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 134.

¹⁷⁷ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

¹⁷⁸Там же. Д. 105, д. 117, д. 119.

Архиерейского собора принял из рук патриарха Варнавы митрополичий белый клубок, изъявив свое согласие на принятие сана митрополита в качестве заместителя владыки Антония¹⁷⁹.

В 1935 г. исполнилось 50-летие священнослужения митрополита Антония. Готовясь к исходу из этой жизни, владыка не возражал против устройства празднования. Оно состоялось 13 октября и стало торжеством почти всего русского рассеяния, а также братских Православных Церквей. Сербский патриарх Варнава, в частности, в своей речи сказал: «Ваши великие дела язык не может описать. Вы столп и утверждение истины в Христовой Церкви. Ваше сердце обнимает всех православных людей. Вы открыли новые пути для богословской науки и разъяснили новые величайшие истины, неведомые до Вас, которым ныне следуют Ваши ученики и последователи. Вы светите русским людям в то время, когда св. Русь искупается в крови своих лучших сынов, и Ваш свет не менее драгоценен той святой крови, которая льется на русской земле...»¹⁸⁰. К юбилею была учреждена премия имени блаженнейшего митрополита Антония для студентов богословского факультета Белградского университета.

Последние годы митрополит Антоний уже не мог ни ходить, ни стоять на ногах, и его носили каждый праздничный и воскресный день в церковь, где он неопустительно причащался Святых Таин и говорил поучения. Скончался владыка 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах, 12 августа его тело, после заупокойной литургии и панихиды, отслуженных в патриаршем соборе в Сремских Карловцах патриархом Варнавой, перевезли в кафедральный собор св. Архангела Михаила в Белграде. Заупокойную литургию 13 августа в Михайловском соборе служили патриарх Варнава, шесть русских и сербских архиереев и свыше 20 других священнослужителей. В конце литургии сербский первосвященитель произнес надгробную речь, в которой отметил: «...Перед нами земные останки того великого человека, который всю свою жизнь работал на ниве Христовой и без усталости ее обрабатывал. Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы. Я уже имел случай говорить и вновь повторяю, что митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства. <...> Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, <...> мы все должны навсегда сохранить его священный завет о том, чтобы православная царская Россия была

¹⁷⁹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание... Т. 5. С. 286.

¹⁸⁰ Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 116.

бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас. Это всегда чувствовал наш великий покойник, чувствую и я, чувствуете это и все вы. <...> Мы должны уберечь Русскую Церковь, рассеянную по всему миру в это страшное время, и до тех пор, пока я остаюсь на своем положении, я не допущу, чтобы ни один волос не упал с Русской Православной Церкви за границей. Таковы св. заветы из этого гроба». В тот же день митрополит был погребен в усыпальнице Иверской часовни на Новом белградском кладбище¹⁸¹.

Вскоре после смерти владыки Антония съехавшиеся по этому поводу на проходивший 22–24 сентября собор архиереи единогласно избрали на пост председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Анастасия (Грибановского), который, как уже отмечалось, с осени 1935 г. постоянно пребывал в Сремских Карловцах в качестве помощника находившегося в болезненном состоянии владыки Антония. Первым мероприятием владыки Анастасия стала реорганизация РПЦЗ, которая была разделена на четыре митрополичьих округа: Ближневосточный, Дальневосточный, Западно-европейский и Северо-американский. Позднее, в 1942 г., к ним был присоединен пятый — Средне-Европейский.

По благословению митрополита Анастасия и при участии председателя Русского трудового христианского движения (РТХД) А.И. Ладыжинского в 1937 г. в Белграде были основаны шестимесячные Миссионерские курсы по борьбе с безбожием, на которые записались 200 человек. Кроме священнослужителей к преподаванию на них привлекли профессоров П.Б. Струве, В.А. Машина, А.П. Доброклонского, В.А. Розова, Г.А. Острогорского, Е.В. Спекторского, А.В. Соловьева, А.Ю. Вернера и др. Для слушателей читались курсы по Ветхому и Новому Заветам, русской и всеобщей истории, обществоведению, проводились занятия по разбору и опровержению основных положений атеизма и т.д. Выступавший на открытии курсов Б.Р. Гершельман подчеркнул, что «неверующая и неправославная Россия не может уже носить этого имени — это будет какая-то новая страна на развалинах России. Поэтому главной задачей эмиграции является сохранение веры православной во всей ее чистоте и неприкосновенности, ибо только тогда она будет почитаться православной и будет источником возрождающейся силы»¹⁸².

Правда в феврале того же года в Югославии широкое распространение получило обращение русской колонии г. Земуна с критикой неправославного

¹⁸¹ Там же. С. 117, 129–131.

¹⁸² Церковная жизнь. 1937. № 6. С. 93.

характера и антинациональной политики РТХД, для которого история России начиналась с Временного правительства, а строительство возрожденного Отечества, после победы над большевизмом, планировалось по западноевропейскому образцу. Русское трудовое христианское движение возникло в Югославии в 1932 г., первоначально его возглавил Г.Г. Миткевич, а духовником стал настоятель Свято-Троицкой церкви Белграда протоиерей Петр Беловидов. Эта организация была создана с целью объединения групп беженцев на экономической основе и подъема хозяйственного и политического значения русской эмиграции, независимо от принадлежности к той или иной конфессии. Хотя и некоторые делегаты Второго Русского Всезарубежного Церковного собора 1938 г. подозревали РТХД в связи с масонами, однако особой полемики не получилось. Русские эмигранты нуждались в оказываемом движением правовой защите и материальной помощи. К тому же митрополит Анастасий, первоначально неприязненно относившийся к РТХД, в дальнейшем смягчил свою позицию¹⁸³. Однако и в дальнейшем из-за симпатий РТХД к Б. Муссолини и экуменическому движению оно находилось в постоянном конфликте с Архиерейским Синодом¹⁸⁴.

В конце 1937 г. Архиерейский Синод командировал епископа Потсдамского Серафима (Ляде) на проходившую в Эдинбурге конференцию экуменических движений «Вера и церковное устройство» (Faith and Order) и «Жизнь и деятельность» (Life and Work). В постановлении об этом назначении от 31 декабря 1937 г. говорилось: «Сохраняя веру в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Православную Церковь, Архиерейский Синод исповедует, что Церковь сия никогда не разделялась. Вопрос в том только, кто принадлежит к ней и кто не принадлежит. Вместе с тем Архиерейский Синод горячо приветствует все попытки инославных исповеданий изучать Христово учение о Церкви в надежде, что через такое изучение, особенно при участии представителей Святой Православной Церкви, они, в конце концов, придут к убеждению в том, что Православная Церковь, будучи *столпом и утверждением истины* (Тим 3:15), полностью и без каких-либо погрешностей сохранила учение, преподанное Христом Спасителем Своим ученикам. И с этой верой и такой надеждой Архиерейский Синод с благодарностью принимает приглашение Комитета продолжения Всемирной конференции о “Вере и порядке”»¹⁸⁵.

¹⁸³ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). С. 136–137; См.: Русское трудовое христианское движение (РТХД) в Югославии. Белград, 1937.

¹⁸⁴ Иванович М. Русская эмиграция. С. 84, 86; Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 106; Vuchenaу K. Auf russischen Spuren... S. 277.

¹⁸⁵ Церковная жизнь. 1938. № 1. С. 12.

На этой конференции присутствовали также представители Западно-Европейского экзархата архимандрит Кассиан (Безобразов) и протоирей Георгий Флоровский. Православная делегация воздержалась от голосования по итогам обсуждения как общего доклада, так и декларации. В своем отчете Синоду епископ Серафим указал, что участие православных делегатов имело большое и полезное значение для инославного мира, так как они внесли в дискуссии подлинно церковный дух, раскрывая участникам конференции богатство и красоту православия, поэтому Архиерейский собор и Синод должны командировать своих представителей и на будущие конференции. Владыка Серафим (Ляде), также в качестве представителя Архиерейского Синода, присутствовал и на Второй конференции движения «Жизнь и деятельность», проходившей в Оксфорде. Эта конференция разочаровала его из-за отказа обличить большевизм, в то время как делались нападки на правые течения, такие, как итальянский фашизм. По мнению епископа Серафима, дух православия не нашел должного выражения в докладах конференции, находившейся под влиянием масонства. По его мнению, в будущем православные должны или совершенно отказаться от участия в подобных конференциях или же усилить свое представительство, чтобы не быть «букетом цветов» на столе протестантов. На этой конференции было подтверждено намерение о создании Всемирного Совета Христианских Церквей. Позднее по докладу еп. Серафима об Оксфордской конференции Второй Всезарубежный собор принял резолюцию, основное содержание которой было посвящено выявлению всемирного зла большевизма, так как его защищали многие участники конференции. В резолюции говорилось о политических, общественных и национальных движениях, «которые написали на своем знамени непримиримую борьбу против большевизма и пока спасли западно-европейские народы от большевизации, от гибели последних остатков христианской культуры от русской Голгофы»¹⁸⁶.

В декабре 1937 г. на Архиерейском соборе РПЦЗ был составлен «Акт о законном преемстве звания Местоблюстителя Московского Патриаршего престола и возглавлении Русской Православной Церкви после смерти митрополита Крутицкого Петра». Назвав притязания митрополита Сергия (Страгородского) незаконными, Архиерейский собор признал митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) местоблюстителем Патриаршего престола, не зная о том, что владыка Кирилл был расстрелян 20 ноября 1937 г. Однако, ввиду гонений, Собор

¹⁸⁶См.: Псарев А. Русская Православная Церковь Заграницей и экуменическое движение 1920–1948 гг. Джорданвилль, 2003. Рукопись.

посчитал невозможным открыто помянуть митрополита Кирилла и постановил: «Помянуть митр. Кирилла, как Местоблюстителя Московского Патриаршего престола и возглавителя Русской Церкви за проскомидией и в частных молитвах, но от возглашения его имени за богослужениями воздержаться, чтобы не навлечь на него тяжких гонений со стороны безбожной власти большевиков. Настоящий акт хранить без опубликования, во свидетельство будущим временам о законном преемстве возглавления Русской Церкви». Вместо открытого поминовения имени митрополита Кирилла собор постановил помянуть «Православное епископство Церкви Российския»¹⁸⁷.

В 1938 г. русские эмигранты в Югославии торжественно отметили 950-летие Крещения Руси. Был создан комитет для подготовки празднования этой даты во главе с первоиерархом РПЦЗ митрополитом Анастасием, в Белграде выпущен специальный «Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938», включавший научно-популярные статьи ряда известных ученых, который широко распространялся (в основном бесплатно, через церковные организации) среди русского населения Европы, Америки и Дальнего Востока.

В том же году с 14 по 24 августа в Сремских Карловцах прошел Второй Русский Всезарубежный Церковный собор с участием представителей всех 24 епархий РПЦЗ от Америки до Дальнего Востока (правда, без евлогиан). Кроме 13 архипастырей, участниками заседаний были 26 клириков и 58 мирян. Собор выразил единодушное мнение всех собравшихся о том, что Сербия и Сремские Карловцы продолжают оставаться духовными центрами русской эмиграции¹⁸⁸.

В докладе «Положение Православной Церкви после войны» владыка Иоанн (Максимович) отметил, что чада РПЦЗ «должны твердо стоять на почве церковных канонов и не быть с теми, кто от них отступает. В прежнее время для изобличения канонических неправильностей Поместной Церкви с ней прерывали каноническое общение. Русская Зарубежная Церковь не может действовать таким путем, т.к. положение ее не вполне определилось. Посему она не должна прерывать общение с другими Церквями, если они первые не сделают этого шага. Но, и поддерживая общение, она не должна молчать о нарушениях церковной правды...». 16 августа члены Собора, заслушав сообщение митрополита

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

¹⁸⁸ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей, с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939. С. 745.

Анастасия, постановили: «Признать, что не имеется препятствий к молитвенному общению и сослужению с духовенством митрополита Сергия»¹⁸⁹.

По поводу отношения Православной Церкви к инославию на соборе произошли прения. Ознакомившись с докладом профессора Н.С. Арсеньева «Православная Церковь и западное христианство», отметившего, что прямым следствием гонений на Православную Церковь со стороны безбожной власти в СССР явилось углубление и расширение внимания к РПЦЗ со стороны наиболее чутких представителей богословской мысли протестантства и католичества, собор призвал «Божие благословение на труды тех, кто жизнью и словом раскрывает перед западным христианским миром истинность нашей Святой Церкви и высоту ее мученического подвига в настоящее время»¹⁹⁰.

Епископ Серафим (Ляде) в своем докладе отметил, что православные на экуменических конференциях всегда излагали и защищали священные догматы: «Поэтому православные делегаты, как в Лозанне, так и в Эдинбурге, считали своим долгом подать и огласить особые заявления; этим они ясно отмежевали Православную Церковь от других исповеданий, именующих себя “церквями”. <...> Нам необходимо рассеять все недоумения и часто просто карикатурные представления о Православии, до сих пор распространенные в инославных кругах. <...> Примирение с существующим положением оторванности большей части христианского мира от Православной Церкви, равнодушное отношение к экуменическим исканиям единства Церкви было бы непростительным грехом, ибо мы должны носить ответственность за судьбу тех, которые еще пребывают вне ограды Церкви, и за будущую судьбу всего христианского мира. <...> Но, участвуя в экуменическом движении, мы должны остерегаться уступчивости и снисходительности, ибо это крайне вредно и опасно, укрепляя инославных в убеждении, что они уже являются членами истинной Церкви. В области догматики и других существенных и основных вопросов мы не можем уменьшать свои требования». Прения по вопросу об участии в экуменическом движении проводились после двух докладов епископа Серафима (Ляде), а также доклада Н.Ф. Степанова, посвященного влиянию масонства на Оксфордскую конференцию. Центром «антиэкуменической» группы стал архиепископ Богучарский Серафим (Соболев). Он заявил, что «внецерковное объединение ничего, кроме

¹⁸⁹ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 18. Л. 23об.

¹⁹⁰Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей. С. 159.

вреда, не принесет. Православная Истина выражается в благодати Святого Духа, именно в том, чего экуменическое движение знать не хочет»¹⁹¹.

Председатель собора митрополит Анастасий высказался за средний путь: «Приходится колебаться между двумя опасностями — соблазном или отказом от миссионерской работы исповедания Православия. Какое опасение возобладает? Будем исходить из положительных предположений. Облагодатствованная Церковь должна вести миссионерскую работу, ибо так можно спасти некоторых колеблющихся. Наряду с вождями, желающими обезличить Православие, другие, например молодежь, приходят на конференции с истинным исканием. Сравнивая то, что они видят и слышат у своих пасторов и у православного пастыря, они поймут истину. Иначе они останутся одинокими. Слышны положительные отзывы о выступлениях епископа Серафима на конференциях, исходящие от инославных. Надо учитывать и то, что англо-саксонский мир находится в кризисе, ищет истину. Протестантизм тоже ищет свою опору. У нас, к тому же, имеется традиция участия в таких конференциях, установленная покойным митрополитом Антонием. Во избежание соблазна надо разъяснять суть дела».

По вопросу отношения к инославным была вынесена резолюция, суть которой сводилась к следующему: Русская Православная Церковь за границей запрещает своим чадам участвовать в экуменическом движении, однако ради миссионерских целей, по уполномочению церковной власти, представители РПЦЗ могут присутствовать на конференциях, бескомпромиссно разъясняя учение Православной Церкви, и, ни в коем случае не допуская отклонения от православной точки зрения. Кроме того участники Собора поименным голосованием в очередной раз осудили масонство. Учитывая «связь масонства с воинствующим безбожным движением, тождественным с III интернационалом, поработившим Россию, и что, следовательно, члены этого тайного сообщества суть враги России», Собор постановил извергнуть из лона Церкви всех тех, кто, являясь масонами, не принесет установленного покаяния в таинстве исповеди¹⁹². Косвенным образом это решение было направлено против митрополита Евлогия, которого упрекали за связь с обществом ИМКА.

На соборе была также вынесена резолюция об образовании Русского церковного народного центра, в которой говорилось: «С глубоким удовлетворением признавая, что на Соборе Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян 1938 г. достигнуто духовное единение рус-

¹⁹¹ Там же. С. 369.

¹⁹² Церковная жизнь. 1938. № 8–9. С. 130–131.

ских православных национально-мыслящих людей за рубежом, и что все русские православные люди чают от Русской Православной Церкви духовного окормления в деле национального единения и возрождения Родины, Собор просит первоиерарха Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного митрополита Анастасия принять на себя попечение о дальнейшем укреплении и развитии достигнутого единения и претворении его в действенное церковно-национальное свято-русское движение на исконных русских исторических началах»¹⁹³. В целом же собор обсудил множество насущных вопросов и проблем, на которые, в то время, не могла ответить Русская Церковь на территории СССР.

Согласно справедливому указанию А.А. Кострюкова, Всезарубежный собор 1938 г. показал, что РПЦЗ окончательно осознала себя выразителем нужд и чаяний Всероссийской Церкви: «Собор стал голосом русской эмиграции, прозвучавшим в тот страшный для России год, когда страна захлебывалась в крови, проливаемой пришедшими к власти извергами. Этот голос прозвучал в те годы, когда многим казалось, что жизнь Церкви в Отечестве потухла окончательно. <...> Всезарубежный Собор в тех обстоятельствах заставил русскую эмиграцию осознать тот факт, что она едина, и что это единство необходимо хранить, невзирая на трудные обстоятельства беженства. В качестве мировоззрения, которое поможет создать великую и свободную Россию, Собор указал Православие. Иное мировоззрение обречет на провал любые попытки возрождения страны. Заслуга Собора в том, что он осудил социализм, заявив миру, что это учение несовместимо с христианством»¹⁹⁴.

Следует упомянуть, что еще в 1933 г. началось обсуждение вопроса о возможности перевода Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей из Югославии на Дальний Восток или в Германию. Последний вариант казался более приемлемым. Так, профессор И.А. Стратонов в своем письме митрополиту Елевферию (Богоявленскому) сообщал, что руководство РПЦЗ в 1933 г. командировало в Берлин Н. Тальберга для выяснения возможности переезда. Затем обсуждение этого вопроса прекратилось и возобновилось вновь после смерти патриарха Варнавы в 1938 г., однако до 1944 г. этого так и не произошло¹⁹⁵.

С перемещением в конце 1930-х гг. Архиерейского Синода из Сремских Карловцев в Белград туда переехал и его председатель митрополит Анастасий,

¹⁹³ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей. С. 169.

¹⁹⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 445.

¹⁹⁵ Радић Р. Живот у временима: Гаврило Дожић (1881–1950). Београд, 2006. С. 211; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь... С. 334–335.

управлявший одновременно на правах епархиального архиерея русскими приходскими общинами в Югославии. Здесь же, на Крунской улице, № 20, неподалеку от русской Свято-Троицкой церкви, являвшейся фактически его кафедральным собором, митрополит провел и первые годы войны.

Владыка Анастасий периодически собирал на совещания в своих покоях на Крунской улице известных церковных и общественных деятелей, а при Архиерейском Синоде учредил особый Ученый комитет, возглавленный бывшим инспектором Киевской духовной академии, магистром богословия архиепископом Тихоном (Лященко). В предвоенные годы русский Белград жил довольно активной духовной жизнью. Так, в Русском доме функционировали упоминавшиеся Миссионерские курсы по борьбе с безбожием, религиозно-национальные кружки молодежи имени св. кн. Владимира, дважды в неделю велись религиозно-нравственные чтения и собеседования, почти еженедельно архимандрит Аверкий (Таушев) проводил для многочисленных слушателей беседы на избранную ими тему — «О духовной жизни по учению святых отцов Церкви»¹⁹⁶, периодически устраивались разные церковно-юбилейные торжества.

Встав во главе Русской Православной Церкви Заграницей, митрополит Анастасий осторожно, но планомерно и настойчиво укреплял органы ее управления. Владыка стремился поставить Архиерейский Синод в независимое от Сербского Патриархата «бытовое положение», было также задумано сооружение в Белграде новой большой русской церкви, что не удалось выполнить из-за начавшейся вскоре войны¹⁹⁷.

Новый Первоиерарх РПЦЗ выразил в июне 1938 г. в благодарственном адресе выразил признательность рейхсканцлеру А. Гитлеру за возведение в Берлине кафедрального собора Германской епархии РПЦЗ¹⁹⁸, однако негативно относился к увлечению некоторыми деятелями русской эмиграции идеями фашизма. Владыка Анастасий говорил, что «фашизм несовместим с христианством, потому что в нем подавляется личная духовная свобода, без которой невозможна духовная христианская жизнь»¹⁹⁹.

В 1938 г. произошел острый конфликт между митрополитом Анастасием и одним из руководителей русских монархистов в Югославии героем Первой мировой войны генерал-майором Михаилом Федоровичем Скородумовым.

¹⁹⁶ Православная Русь. 1971. № 3. С. 4.

¹⁹⁷ Никон (Рклицкий), архиеп. К 40-летию служения в архиерейском сане высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия (1906–1946 гг.) // Церковная летопись. 1946. № 3. С. 33.

¹⁹⁸ Церковная жизнь. 1938. № 5–6; Православная Русь. 1947. № 12. С. 1–2, 1993. № 11. С. 4.

¹⁹⁹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье. С. 15.

В это время по инициативе епископа Жичского Николая (Велимировича) при возобновлении храма в его монастыре рядом со святыми было сделано изображение российского императора Николая II в порфире и короне, а в сербском монастыре св. Наума Охридского местное духовенство даже поместило икону царя-мученика как святого — с венчиком вокруг головы. Весной 1938 г. и М.Ф. Скородумов поместил сделанное на стекле изображение Николая II в склепе павших русских воинов внутри памятника на Новом кладбище Белграда. Однако 17 апреля священник Владислав Неклюдов, вероятно по указанию митрополита Анастасия (который и ранее был противником канонизации Николая II), после панихиды в Иверской часовне с помощью восковой свечи закрыл бумагой изображение императора. В ответ возглавляемая М.Ф. Скородумовым организация «Русское народное ополчение» издало особое воззвание, в котором заявляла: «...усматривая в этих действиях священника Неклюдова оскорбление памяти Царя-Мученика, самоуправство и производство беспорядка, что равно осквернению святыни, — русское народное ополчение, являясь хранителем памятника, уведомило священника Неклюдова через полицию, что ему воспрещен навсегда вход в часовню памятника русским воинам». Владыка Анастасий отреагировал передачей этого дела на рассмотрение Духовного суда для суждения о поступке генерала, а тот на одном из публичных собраний резко выступил против митрополита²⁰⁰.

Кроме того, М.Ф. Скородумов выпустил в 1938 г. листовку, остро критикующую священнослужителей РПЦЗ: «Духовенство наше, за небольшим, конечно, исключением, прячется в алтарь или сбегает на день в монастырь, лишь бы только не служить молебны о здравии царя. <...> Провозглашать многолетие Русскому законному императору [т.е. великому князю Кириллу Владимировичу] нельзя, ибо он без территории, — но провозглашать ежедневно многолетие митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, который тоже без территории, — можно. <...> Русский воин, отдающий свою жизнь за веру Православную, вправе требовать, чтобы Церковь была Святыней, а не представляла бы из себя источник неискренности, неправды и трусости. Священник Православной Русской Церкви должен без страха, самоотверженно идти с крестом впереди, вознося молитвы за Царя, проповедуя правду и русскую тысячелетнюю государственность, беспощадно порицая с высоты амвона все пороки, все отрицательное в эмиграции и вообще среди русского народа»²⁰¹. Следует упомянуть, что на Вто-

²⁰⁰ Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 274–275.

²⁰¹ Там же. С. 276–277.

ром Русском Всезарубежном Церковном соборе в августе 1938 г. Н.П. Рклицким был поднят вопрос о канонизации императора Николая II, но оставлен без последствий, при этом особенно против был именно владыка Анастасий.

После смерти осенью 1938 г. великого князя Кирилла Владимировича митрополит Анастасий все-таки признал права на российский престол его сына Владимира Кирилловича, сообщив ему об этом в письме от 12 ноября: «Повинуясь велению лежащего на Вас священного долга, Вы вступаете ныне на путь жертвенного служения Родине, призывая верных сынов соединиться вокруг Вас, чтобы помочь Вам в Вашем благородном патриотическом стремлении освободить Россию от страданий и унижений. В сознании тяжести и ответственности предлежащего Вашему императорскому высочеству подвига, Вы по примеру Ваших благочестивых предков обращаетесь, прежде всего, к благодатной помощи Святой Православной Церкви, прося ее “благословения и поддержки в предстоящем Вам трудном служении”. Церковь, бывшая по слову Вашего почившего Родителя “исконной водительницей и устроительницей судеб России”, не может не приветствовать это благочестивое движение Вашего православного сердца и готова благословить всякое Ваше доброе начинание, направленное к восстановлению разрушенного ныне Русского Православного Царства, ею взрощенного, укрепленного и освященного. Она усердно молит Господа о том, чтобы Он вложил дух согласия и единения в сердца Русских людей, дабы они все без изъятия могли соединиться вокруг Вас и направить все наши национальные силы на борьбу с умирающим коммунизмом, поработившим нашу Родину. Ныне время благоприятное для того: ночь уже проходит, а день приближается...»²⁰².

Когда в 1939 г. исполнилось 25 лет со дня начала Первой мировой войны, организация «Русское народное ополчение» во главе с М.Ф. Скородумовым 30 июля устроила на русском участке Нового Белградского кладбища торжественную вечернюю панихиду по погибшим офицерам и солдатам и также по императору Николаю II и его семье, которую совершил митрополит Анастасий²⁰³. Таким образом, монархические настроения, хотя и постепенно слабели, все-таки сохранялись среди значительной части священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви за границей, и, прежде всего, в королевстве Югославия.

К началу в сентябре 1939 г. Второй мировой войны численность русской эмиграции в Югославии сократилась до 26–30 тыс. человек (в том числе около 10 тыс. проживали в Белграде), однако эта страна продолжала оставаться цен-

²⁰² ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 298. Л. 9–13.

²⁰³ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). С. 129.

тром деятельности Русской Православной Церкви Заграницей, руководящим органам которой вскоре пришлось испытать на себе особенности и изменения религиозной политики нацистской Германии.

Источники и литература

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Сборник в двух частях. Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.
2. *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
3. *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 71–77 .
4. *Арсеньев А.* Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 77–82.
5. *Арсеньев А.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 // Православная Русь. 1998. № 17. С. 4–6.
6. *Антоний (Медведев), архиеп.* Схиархимандрит Амвросий (Курганов). Белград, 2003.
7. *Бегидов А.М.* Военное образование в зарубежной России, 1920–1945. М., 2001.
8. *Бондарева Е.* Под сенью Святой Троицы. История Русской церкви в Белграде // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1999. № 7. С. 23–25.
9. *Глигориевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 111–115.
10. *Граф Г.К.* На службе императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004.
11. Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей, с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939.

12. Деяния Русского Всезаграничного Церковного Собора, состоявшегося 8–20 ноября (21 ноября – 3 декабря) 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Сремские Карловцы, 1922.
13. *Димич Л.* Русские школы в королевстве Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 130–135.
14. *Завалишин В.* Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова) // Русское возрождение. 1980. № 12. С. 177–187.
15. Зарубежная русская школа, 1920–1924. Париж, 1924.
16. За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И.М. и М.В. Зерновых. Париж, 1973.
17. *Зернов Н.М.* Закатные годы: эпилог хроники Зерновых. Париж, 1981.
18. *Иоанн (Максимович), свт.* Краткая история РПЦЗ // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 2010. № 4–5. С. 7.
19. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Вера и достоверность. Париж, 1982.
20. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Избранное. Петрозаводск, 1992.
21. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.
22. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1970.
23. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
24. *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008.
25. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии в XX веке // Троицкое Наследие. 2010. № 4. С. 25–28.
26. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии 1921–1939 годы // Славяноведение. 1996. № 6. С. 74–81.
27. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011.
28. *Ледковская М.* Архиепископ Гавриил (Чепур) — выдающийся литургист и церковный композитор // Русский пастырь. Сан-Франциско. 2003. № 42. С. 22–32.

29. *Маевский В.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932.
30. *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920-1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
31. *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 278–282.
32. *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.
33. *Митрополит Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. М., 1994.
34. *Митрофанов Г., прот.* Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.
35. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995.
36. *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. 5 июня 1939. № 236–237. С. 10–13.
37. *Нестор (Анисимов), архиеп.* Очерки Югославии (Впечатления путешественника). Харбин, 1935.
38. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1959. Тт. 5, 7.
39. *Никон (Рклицкий), архиеп.* К 40-летию служения в архиерейском сане высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия (1906–1946 гг.) // Церковная летопись. 1946. № 3. С. 31–33.
40. *Никольский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990.
41. Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929.
42. Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988.
43. *Полчанинов Р.* Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 5–7.
44. *Попов А.В.* Архив Архиерейского Синода РПЦЗ в ГАРФ (Опыт архивного обзора) // Зарубежная Россия 1917-1939 гг. Сборник статей. СПб., 2000. С. 404–407.

45. Преподобная Екатерина Леснинская наставница современного женского монашества. Провемон, 2010.
46. *Псарев А.* Русская Православная Церковь Заграницей и экуменическое движение 1920–1948 гг. Джорданвилль, 2003. Рукопись.
47. Русская православная церковь за границей. 1918–1968 / Под ред. А.А. Соллогуба. Т. 1. Нью-Йорк, 1968.
48. Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.
49. Русское трудовое христианское движение (РТХД) в Югославии. Белград, 1937.
50. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.
51. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, б/г.
52. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005.
53. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.
54. *Серпионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). М., 1995.
55. *Сибиневич М.* Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века – границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 7–24.
56. *Степанов Н.Ю.* Православные основы образования русских детей в эмиграции в Югославии // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 45–54.
57. *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
58. *Троицкий С.В.* Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937.
59. *Троицкий С.В.* История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 23–67.
60. *Ураков М.А.* Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде // Славяноведение. 1994. № 4. С. 57–65.

61. *Феодосий (Мельник), архим.* Святейший патриарх Варнава и владыка митрополит Антоний (по личным воспоминаниям) // Церковная жизнь. 1937. № 7-8. С. 122–123.
62. Церковные законы, касающиеся Русской Православной Церкви Заграницей, Джорданвилль, 1947.
63. Вестник русского христианского движения. Париж. 1974. № 111.
64. Возрождение. Париж. 1926. № 465. 10 сентября.
65. Гласник. Београд. 1935. № 30.
66. Голос Литовской православной епархии. Каунас. 1936. № 7–8.
67. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1933. № 13–14, № 16–17.
68. Китеж. 1927. № 8–12.
69. Православная Русь. Ладомирова, Джорданвилл. 1935. № 22. 1947. № 12. 1971. № 3. 1977. № 14. 1993. № 11.
70. Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа.
71. Царский вестник. Белград. 1929. 27 октября, 1930. № 82, № 92. 1934. № 392, 1935. № 439.
72. Церковные ведомости. Белград. 1927. № 3. 1929. № 3–12. 1930. № 15–16.
73. Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1927. №. 3. 1928. № 12. 1934. № 5, № 9–10.
74. Церковная жизнь. Белград. 1934. № 9–10. 1935. № 6, № 11–12. 1936. № 1, № 6. 1937. № 6. 1938. № 1, № 5–6, № 8–9. 1941. № 3–12.
75. *Buchenaу K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850-1945. Wiesbaden, 2011.
76. *Радић Р.* Живот у временима: Гаврило Дожић (1881-1950) Београд, 2006.
77. Kreuz-Zeitung. Berlin. 13.06.1933.